

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

САПЕР

ПОБЕГ НА ВОЙНУ

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЛИННИК

Сергей Линник
Алексей Викторович Вязовский
Сапер. Побег на войну
Серия «Военная боевая фантастика»
Серия «Сапер», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69469951

*Сапер. Побег на войну:
ISBN 978-5-17-157676-9*

Аннотация

Оставшись в оккупированной столице советской Украины, Петр Соловьев попадает в фашистский лагерь военнопленных. Сплотив вокруг себя единомышленников и установив связь с подпольщиками, он организует побег из лагеря. Теперь Соловьев – командир партизанского отряда. Вызволив из Дарницкого концлагеря Якова Джугашвили, сына Сталина, отряд «Победа» по оккупированным территориям отправляется на Брянщину, ежедневно внося свой посильный вклад в общую победу в войне с фашистами. А абвер тем временем предпринимает попытки вернуть ценного заложника в лице сына Сталина, и за отрядом Соловьева начинается охота.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Алексей Вязовский,
Сергей Линник
Сапер
Побег на войну**

© Алексей Вязовский, 2023

© Сергей Линник, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

– Да пошел ты в пень!¹

Апанасенко вскочил, смахнул со стола рукой стакан с под-
стаканником. Стекло жалобно зазвенело по полу. Первый
секретарь Приморского крайкома ВКПб Пегов, вжавшись в
стул, в ужасе посмотрел в лицо Сталину. Послать самого Ко-
бу?! В Кремле?

Лицо Иосифа Виссарионыча потемнело, карандаш хруст-
нул у него в руке.

– Ты что делаешь?! А если японец нападет, чем я буду
защищать Дальний Восток? – продолжал кричать генерал. –
Этими лампасами?! Хочешь расстрелять меня? Кончай пря-
мо тут! Как Рычагова, как Павлова!

Пегов закрыл глаза. Все, это конец. Шлепнут за компа-
нию. Просто потому, что слышал все это...

– Ты что? Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко!
Стоит ли так волноваться из-за этих противотанковых пу-
шек?

Пегов не поверил своим ушам. Открыл глаза, посмотрел
на Сталина. Тот был спокоен. Даже излишне спокоен. Ладно,
они старые друзья. Еще со времен обороны Царицына. Но
спускать такое?

¹ Реальная история. Взято из воспоминаний Пегова.

– Стоит! – Апанасенко сел на стул, отбросил ногой осколки стакана. – Сам видишь, Коба, как современная война идет. Быстрые танковые прорывы, окружения, котлы. Японцы так же воевать будут. Дивизии дам. Солдат новых мобилизуем, обучим. А пушки?! Где я тебе их возьму?

– Ладно, если пушек дать не можешь... – Сталин задумался.

– Мины нужны. Противотанковые. Много. – Генерал достал платок, вытер пот с лысины. – Ты извини, что...

– Пустое! – Иосиф Виссарионович махнул рукой, поднял трубку телефона. – Соедините с Берией. Да, жду.

Пегов тоже достал платок, вытер лоб. Похоже, буря миновала. Но нет...

– Лаврентий, помнится, у тебя был геройский сапер... Как его? Соловьев! Ладно, пусть военинженер. Не у тебя? У Кирпоноса? Ну хорошо, он мне нужен. Тут товарищи из «Серпа и молота» новые противопехотные мины его конструкции мне показывали... Нужны такие же, но уже противотанковые. Дешевые. Как остался в Киеве?! Кто разрешил?

Сталин громко заругался по-грузински, шмякнул трубкой по телефону. Пегов опять вжался в стул. Он уже не надеялся выйти из кремлевского кабинета секретаря ЦК партии живым.

В глаза будто песка насыпали. Вроде и вижу что-то, а вроде как в пыльную бурю попал. А еще тело ломит, во рту привкус крови. Где я? Где же еще... В лагере. Сейчас прозвучит сигнал к пробуждению, эки посыпятся вниз со шканок. Опять у сортира будет очередь и ругань, потом хлеборезы пойдут готовить завтрак – все как обычно. Что же со мной? Неужели «зеленые» добрались и устроили темную? В голове пусто, только звенит.

Я протер глаза, с трудом сел на панцирной кровати.

– О, очнулся, земляк.

С усилием повернув голову, я обнаружил замотанного окровавленными бинтами бородатого мужика. Его темно-карие, почти черные глаза лихорадочно блестели, на лбу бисеринками собралась испарина.

– Ты кто?

– Я? Опанас. Из народного ополчения.

– Мы в госпитале? – Я потрогал шишку на затылке, огляделся. Мы лежали в большой палате, в которой стояло десятков кроватей. Все они были заняты ранеными.

– Да. В военно-клиническом.

– Его разве не эвакуировали?

– Еще на прошлой неделе. Но народ все одно нес раненых. Вот и тебя притащил кто-то.

– Опанас, надо валить! В городе немцы!

– Да знаю я, были они уже здесь.

– И что?

– Как видишь, пока ничего не случилось плохого. Женевская конвенция, слышал?

– Ты как хочешь, а я валю.

Попытался встать, ноги повело. Пришлось сесть обратно на постель. Нет, славно меня кто-то приложил по голове. Я ощупал пиджак, вывернул карманы брюк. Ничего. Денег нет, документов – тоже. Хорошо, что сообразил парабеллум оставить в тайнике. Неужели банальный гоп-стоп?

– Куда тебе идти? Краше в гроб кладут. – Опанас, скрипнув зубами, сел на кровати.

– Лучше в персональный гроб, чем в братскую могилу.

Я опять попытался встать и, схватившись за боковину кровати, даже удержался на ногах.

– Больной! Вы куда собрались?! – В палату заскочила мелкая рыжая девчонка в белом халате. – Сейчас же лягте!

Ноги уже не держали, я повторно плюхнулся на кровать.

– Вас уже обработали? – спросило конопатое чудо.

– В смысле раздели?

Я посмотрел на себя, еще раз потрогал голову. Кровить уже перестало, но перевязаться надо было.

– Нет, им не занимались, – ответил за меня Опанас. – Врач сказал, что сначала тяжелые.

– Я ему напомню! На вот, приложите к голове. – Санитар-

ка дала мне свернутую марлю и умчалась.

– Землячок, слышал про взрывы? – Сосед перешел на шепот, наклонился ко мне. – Говорят, наши взорвали самого Гимmlера! Заместителя Гитлера!

– Он не заместитель. – Я приложил марлю к голове. – Наверде нашего Берии.

– Да? Ну тоже хлеб.

Мы помолчали. Рядом стонали раненые, кто-то курил прямо в постели. Город за окном был подозрительно тих – ни взрывов, ни воздушной тревоги.

– А ты сам чьих будешь? – Опанасу не лежалось, он встал, прошелся по проходу. – По одежде – штатский вроде.

Ответить я не успел. В коридоре раздался топот, в палату ворвались немцы.

– Всем на выход, строиться во дворе, – объявил выскочивший из-за стоящих на пороге говнюк. В гражданской одежде, с галстучком, волосики набриолиненные. Лет сорока, наверное, чем-то напоминает худошавую крысу. Из местных, сразу видно. Видать, моментально в холуи записался, как немцы пришли.

– У нас тут не все ходячие, – подал голос из угла лежащий там раненый. Его я не слышал до этого.

– Вам сказано, строиться во дворе! – завизжал переводчик.

Да, парень, видать, с личной жизнью у тебя беда, вон, аж рожу перекосило и слюнями подбородок забрызгало.

Глядя на двух немцев, молчаливо державших карабины у входа, раненые начали вставать и тянуться к выходу. Кто в чем был, многие в исподнем и босиком. Мне повезло: у меня даже сапоги целыми оказались. Не знаю, почему неизвестные грабители на них не позарились. Может, стащить с ног не успели, а может, и побрезговали. За последнее время они здорово пообносились, да и чистил я их в последний раз... Вот как раз для того, чтобы не приглянулись никому.

Меня здорово качнуло, когда я встал. Если бы не Опанас, наверное, упал бы. Вышли, побрели по больничному коридору. Немцев вроде и немного, но распределились они так, что везде стоят. Погнали нас как скот, подбадривая прикладами. И тут в палате раздались выстрелы: один, два, три. Лежачих добивают. Твари. Кто-то рванул из толпы, но его тут же загнали назад прикладом. И все это спокойно, будто и вправду не людей гонят.

Где-то вдаль тонко завизжала девчонка, захлебываясь в слезах, закричала:

– Не-е-е-ет! Не надо-о-о-о!

Оттуда же послышался глухой удар, и крик умолк. Один из конвоиров лениво повернул голову и крикнул:

– Что там, Фридрих?

И ответ:

– Представляешь, я ее толкнул, а она упала и шею сломала. – Говорящий это вышел в коридор и продолжил уже из него: – Вот сволочь, а я на нее так надеялся.

Меня здорово штормило, я крепко держался за руку Опана. Выстрелы раздавались то с одной, то с другой стороны. Да уж, сам бы я отсюда не выбрался. Силенок бы не хватило. Девчонку санитарку жалко ужасно, но все это воспринимается отдаленно, будто не со мной происходит. Как сон, наверное.

Дальше – хуже. Во дворе нас согнали в толпу, и выходящие из дверей госпиталя конвоиры окружали ее все плотнее. Впрочем, не всех это остановило. Кто-то рванул прочь, понадеявшись, что в суматохе сможет улизнуть, но выстрел бросил его на землю. Немец подошел и добил его штыком. Видать, чтобы патроны не тратить.

И тут на улицу выбежал врач. Раздетый, в одном халате, из-под которого выглядывали кургузые льняные штаны и легонькие растоптанные туфли. Видать, на ногах приходилось проводить очень много времени, и он обулся в удобную обувь, чтобы не так уставать. Порывом ветра у него сдуло с головы колпак, и стал виден венчик взъерошенных седых волос вокруг проплешины. Он сразу как-то постарел, стало видно, что, наверное, и в прошлую войну не дома сидел.

Врач что-то сказал стоявшему у входа офицеру, но тот отмахнулся от него как от мухи. Тогда доктор повысил голос, и я услышал, как он по-немецки, путаясь в артиклях и запинаясь от необходимости подбирать слова, закричал:

– Здесь больные и раненые! Много гражданских! Вы не имеете права!

Офицер не дослушал и мотнул подбородком стоящему рядом солдату. Тот коротко замахнулся и ударил доктора в висок прикладом. Упав на землю, врач начал подниматься, не обращая внимания на заливающую его лицо кровь, и снова закричал офицеру:

– Как вам не стыдно!

Последовал еще удар прикладом в голову, заставивший его замолчать, но солдат не останавливался и бил до тех пор, пока череп лежащего не треснул. Тогда немец нагнулся и полый докторского халата начал деловито вытирать приклад.

* * *

Блин, сюрприз! Привели нас обратно на площадь перед университетом. И тут были изменения. Яму от взрыва закопали, кое-как замостили, поставили новые трибуны, украшенные траурными лентами. Пригнали кучу охраны. Она была везде – на крышах, в переулках. И... виселицы. Фашисты поставили виселицы. Где-то так с полсотни. Я начал считать, но сбился.

Фашисты согнали на площадь киевлян, поставили нас на колени. Кто-то из раненых не выдержал, повалился на брусчатку, его тут же добили выстрелом. Жители города под дулами пулеметов затравленно молчали, смотрели в землю.

Потом на трибуну выполз толстый немчик в таких же очочках, как у Гимmlера. Вокруг него появились журнали-

сты, начали щелкать фотоаппаратами. Нас тоже засняли. Фашист принялся толкать речь. О победном германском мече, который дважды за столетие завоевывает Украину. О политой кровью киевской земле. О патриотах Германии, которые несут свет варварам, и о невыученных ошибках прошлого. Рядом стоял такой же пузатый переводчик, который, вытирая со лба пот, переводил каждую фразу на корявый русский.

– Чешет как по написанному, даже без бумажки. – Опанас тяжело вздохнул, тоскливо посмотрел на виселицы. – Думаешь, для нас?

– Тут даже и думать не надо: за Гиммлера посчитаться хотят.

Я посмотрел направо. Вместе с нами на площадь привели пленных командиров. Я увидел несколько майоров, пару полковников и подполковников и даже одного незнакомого генерал-майора. Со своего места я рассмотреть его толком не мог, в глазах все плыло.

– Украина – не место для романтических экспериментов, – продолжал вещать очкарик. – Непокорные будут уничтожены. Евреи и коммунисты будут уничтожены, их тела сожжены, а пепел развеян. Великий германский райх...

Я попытался разглядеть за трибуной то место, откуда выезжал Голиаф, но сколько ни тянул голову, ничего не увидел. Пейзаж прилично изменился, фасад здания частично обвалился, вокруг университета высились горы мусора и щебенки. Интересно, Ильяз уцелел? Смог уйти?

– Приступайте! – Толстяк махнул рукой, эсэсовцы схватили сразу с десятков командиров, потащили их к виселицам.

– Вот твари! – Опанас сплюнул кровавой слюной. – Мало мы их поубивали. Но хоть помирать не жалко – врезали мы им знатно.

Начал идти мелкий противный снежок попеременно с дождем. Я кутаюсь в клифт, мотаю головой. Перед глазами – звездочки, меня все еще мутит. Помирать не хочется, ведь только жить нормально начал, обзавелся женой, домом... Как теперь Вера без меня? Найдет другого или будет вдовой? Какие же глупые вопросы лезут в голову перед смертью. Ну что мне до того в такой момент, кого она найдет... Будет счастлива, и ладно.

– Всех не перевешаете! – кричит один из командиров перед тем, как у него выбивают скамейку из-под ног.

Я замечаю в толпе репортеров кинооператора, который снимает экзекуцию на камеру.

– Ну что, давай прощаться, землячок, – вздыхает Опанас. – Сейчас нас поведут...

Немцы начали выдергивать из толпы раненых. Люди цеплялись друг за друга, их били прикладами. Вытащили и Опанаса.

– За нас отомстят, земляк! – крикнул я соседу по койке. – Слышишь?! В Берлине будем!

Под вопли и проклятия фашисты повесили новую партию наших. Я думал, что теперь потащат и меня, стоящего пра-

вофланговым, но оставшихся заставили слушать новую речь фашистов.

– Запомните этот день, унтерменши! – Толстяк вновь забрался на трибуну. – Железом и кровью мы установим наше господство. Бессловесный рабочий скот – вот в кого вы все скоро превратитесь. Каждый день мы будем вешать двести человек и вобьем в вас трепет к высшим господам. Кровь за кровь! Хайль Гитлер!!!

Потом нас заставили хоронить повешенных прямо в одной из ям, оставшихся от бомбардировок. Слова про костры и пепел оказались художественным свистом – никто под дождем их разжигать не стал.

Только под вечер нас пригнали в лагерь на окраине Киева, голодных и замерзших. Что вам сказать? Даже суровые советские лагеря по сравнению с этим клоповником санаторием выглядели. Какая-то скотобаза, честное слово. Коровники с прохудившимися крышами, по периметру – колючка в четыре нитки, явно наспех натянутая. По углам – вышки, похожие на детские рисунки, еще одна – у ворот. Да и ворота из колючки сделаны. Ни «стакана», ни тем паче вторых ворот для входа в зону нет. И внутри локалки не разделены. Не зона, а так, временка. У нас выводной караул и то лучше организован был.

Но это мне в плюс, не немцам. Я тут сидеть не собираюсь, надо ноги делать отсюда побыстрее, пока не загнулся. Не знаю, кто да как, а я встревожился очень сильно, ко-

гда не нашел глазами ничего, похожего на пищеблок. Дымок вился только над одним помещением караулки возле ворот. Остальное, значит, не отапливается. Вот это, дорогие друзья, очень хреново. Как говорил рядовой Кирбанбаев в моей прошлой жизни, это тебе не май-лето.

Ладно, посмотрим, что тут да как. Кроме часовых на вышках еще и собачник по периметру шатается, псину мучает. Да не один, вон еще есть, навстречу ему грязь месит.

По баракам нас не разогнали, сначала устроили перепись населения. Никаких документов не спрашивали, называться можно было хоть Чингисханом. Но вот сзади понеслись шепотки, что родне своих выдают, фантазировать нечего. Уж не знаю, откуда они это взяли, а за мной никакая родня не придет, так что и переживать по этому поводу нет смысла. Так что буду я Петей Громовым, у меня и справочка про это есть, не покусились на нее воры. Может, когда обнаружили, и не стали добивать? Сапоги тоже оставили...

Пока происходило знакомство, несколько человек упали. В санчасть никого не потащили. Добили штыками: патроны сэкономили, твари. Погибших резво потащили в сарайчик из горбыля какие-то деятели. Ага, шныри здесь есть уже, успели появиться. Ну, жрать захочешь, не только трупы носить запишешься, а и в РОА пойдешь.

Наконец повели по баракам. Легче не стало. Потому что там тоже холодно. Стекла в этих коровниках если и были когда-то, так про те времена забыли давно. Ни нар, ни чего-то

похожего не наблюдалось. Даже соломы не было. Спать, значит, предлагают на голой земле. А температура-то падает ночью ниже нуля! Можно и не проснуться.

На меня нахлынула грусть-тоска. Даже не знаю почему. Но теплее от этого не стало. Хотя что мне жаловаться, я хоть обут-одет, и то слава богу. А народ, что со мной привели, есть и босой. Как живы до сих пор, не знаю.

Что же, пойду узнаю, как оно тут и что. Не может такого быть, чтобы в таком коллективе не образовалось хоть какой-нибудь власти. Тем более что большинство тут, судя по одежке, армейцы. Такие, как я, которые в гражданском, сильно в меньшинстве.

Ага, а вот и шакалы прискакали. Двое в форме, один по гражданке. Лось такой, мосластый. Этот главный у них, впереди идет. А вот базарить выпустили ханурика в гимнастерке со споротыми петлицами. Ну, судя по всему, там пусто было. Может, даже и форма не его.

– Слышь, дядя, мне твои прохоря нравятся, – сразу заявил он, пытаясь изобразить крутого вора. Только фиксы не хватает для полной радости. – И клифт на мне смотреться лучше будет. Раздевайся, дружок, да поскорее!

И тут он ошибку сделал. Слишком быстро подошел. А я, хоть голова и гудела, будто ее в колокол засунули, еще не совсем дошел, так что зарядил ему в нос от всей души, аж хрустнуло у него там. Он растерянно посмотрел на меня, потянув обе руки к шнобелю, из которого уже потекло в две

струи, и я добавил ему под дых. Он так и сел на землю. Да уж, кто в рукопашную ходил, тот навык не потеряет.

– Ты ж в блатари метишь, землячок? – спросил его я. – Так я тебе, считай, помог. Что это за бродяга с ровным носом и без шрамов?

Гоп-компания на все это смотрела без особых чувств. Но не вписались. И то хлеб. Помогли корешку подняться и отвели в сторону. Да и выглядели они, если посмотреть, совсем не грозно. Худющие, синюшные. Видать, со жратвой тут напруг.

– Хорошо ты им вдарил... – Ко мне подошел крупный лысый командир. Майор, судя по петлицам. Весь зарос рыжеватой бородкой, но череп блестел, словно бильярдный шар.

– Таких гнид надо сразу давить, или потом на шею сядут и поедут.

– Тут одна дорога ехать, – вздохнул майор. – В сарай с трупами. Меня Иваном звать.

– А по отчеству?

– Федорович. Ты из каких будешь? Гражданский? Зовут как?

– Петр я. Громов. Можете звать Громом.

– Где-то я тебя видел, Гром... – Иван внимательно на меня посмотрел, потом резко взял мою правую ладонь, потрогал пальцы. Ага, мозоль от спускового крючка винтовки ищет. Только я стрелял из пистолета, и то нечасто.

– Точно, гражданский, – вздохнул майор. – Пойдем, по-

знакомлю с нашими. Собрался тут коллектив.

Короче, просветили меня про порядки в этом веселом месте. Пайку привозят раз в день, утром. Холодную баланду, большей частью состоящую из воды с небольшим добавлением картофельных очисток и какого-то мусора. И воду в бочке. Вот и весь рацион. К утру выносят по паре десятков трупов умерших от холода и ран. Есть еще надежда, что принесут еды местные жители, немцы этому не препятствуют. Но этого добра немного, кому как повезет. И да, байка про то, что родне своих отдают, это правда. Причем без аннексий и контрибуций, бери своего мужика и топай. Заявление, что ли, пишут? Поэтому с утра к колючке все и идут, даже такие, как я, у которых тут никого нет: а вдруг какая баба себе мужика решит отхватить? Все же шанс какой-никакой есть.

И про самое главное мне тоже сказали. Про побеги. Да, возможно. Было. Аж два раза за десять дней, сколько тут этот курорт действует. И кончилось. Потому что мало кто захочет деру давать, когда точно знает: из его барака каждого десятого расстреляют. Да и люди здесь с голодухи еле ноги тянут, далеко не уйдешь. Вот такой расклад.

Ладно, посмотрим. Но сдыхать здесь я не собираюсь. Что-то сделаю все равно. Не будет выхода – лучше на колючку броситься, чем такое.

Спали вповалку всем большим коллективом, чтобы не потерять шанс хоть как-то согреться. Да и какой тут сон на таком дубаке? Так, глаза прикрыть и проснуться оттого, что

чувствуешь, как начинаешь промерзать насквозь.

Утром из нашего барака вынесли двадцать три человека. Я почему так точно знаю? Так сам и участвовал в этом. Взяли за руки-ноги вчетвером и потащили. Нет, не оговорился я. Сил просто мало у кого осталось, чтобы носить. Вот так протащат метров пять-семь и останавливаются с языком на плече. Сарай этот забит был полностью. Раз в день трупы вывозят в какой-то карьер, выкладывают в траншею, которую немного присыпают сверху известкой и землей. А сверху – еще рядок. После пятого слоя землю ровняют и идут дальше. Вот вчера пятый слой шестой траншеи начали. Длина траншеи метров тридцать, их там предусмотрительные немцы нарыли немало. Откуда знаю? А свои же и ездят, хорошая работа, блатная. Не всех подряд берут. Копарям пайку дают.

Вот за что майору Ивану спасибо, так это за котелок. Вернее, крышку от котелка. Видать, от кого-то по наследству перешла вещица. Очень полезная, кстати, потому что баланду привозят и раздают, но во что – это личная проблема каждого. Хочешь – в фарфоровую тарелку, а хочешь – в пилютку или пригоршню. Так что я теперь обладатель очень ценной и полезной вещи. Если вы думаете, что насчет пилютки я пошутил, то нет. Некоторые и так получали свою порцию. Сколько успеешь, выпьешь, остальное – на землю. Вот такие тут будни, чтоб им неладно.

Здесь, ребята, все в ход шло, ничего не пропадало. Соломка тут сначала была, говорят, гниловатая и мышами пото-

ченная сильно, но ее сжевали. Так же как и случайные островки пожухлой травы. Мыши? Не смешите, они, небось, отсюда деру дали в самом начале. Так что про вкус местной мышатины ничего не скажу.

Ближе к полудню народ потянулся наружу. Нет, не строевой подготовкой заниматься. Просто примерно в это время немцы пускали к ограде местных. Пошел и я. А что, парень я хоть куда, в хозяйстве сгожусь. Может, и возьмет кто. К тому же говорят, что новичкам везет. Нет, я в курсе, что чаще всего так каталы лохов разводят, чтобы те азартнее играли и побольше денег отдали. Но если судьба только такие карты сдает, то почему бы и не сыграть? Хуже не будет.

Народ возле колючки, конечно, больше нудил «дайте пожрать». Я будто на паперти оказался, только попрошайки понастоящему голодают. Еще немного, и у меня бы слезы выступили. Хотя себя, конечно, тоже жалко было.

Вот я и побрел вдоль ограды, стараясь держать голову приподнятой, а спину – ровной. Вот он я, смотрите и не говорите, что не видели! Берите, пока доходить не начал!

Но вот ведь судьба-злодейка! Получилось, как обычно: чуточку не так, как я думал. Что-то знакомое мелькнуло вроде, я даже остановился и повернулся к колючке лицом. Да нет же, не ошибся! А ну, дай попробую, вдруг повезет? Так что я просто шагнул поближе, раздвигая локтями товарищей по несчастью, стал лицом к лицу со своей судьбой и просто сказал:

– Здравствуй. Ты за мной?

Глава 2

– И за тобой тоже, Соловей. – Блондинка подмигнула мне, показала глазами на соседнюю секцию колючки, где никто не стоял.

Да, это была та самая женщина с родинкой, что вставляла запалы в гранаты у Кудри. Эффектная такая, даже в драповом пальто и с синяками под глазами. Видать, давненько хорошо не спала.

Мы отошли, «проходите мимо» сунула мне через колючку каравай хлеба. С вышки на нас строго посмотрел немчик у пулемета, но ничего не сказал. Многие женщины делились с пленными вареными яйцами, сухарями...

– Грызи аккуратно, там нож внутри.

– Звать-то тебя как? – поинтересовался я, засовывая хлеб за пазуху.

– Анна. Родители тебя поздравляли, радовались успехам... – Блондинка поправила кудри под шапочкой, мило улыбнулась. Губы бантиком, прямо такая кокетка-кокетка.

Ну, раз поздравляют, уже хорошо. Думаю, орден за такое дадут. Может, даже с медалью. А что, «дважды Герой» очень неплохо звучит. Блин, это, наверное, от хлебного духа в голове неизвестно про что мысли гуляют. Тут бы живым вылезти, а не про награды мечтать.

Заметил, что рядом кто-то шныряет, откашлялся:

– Из дома не пишут?

Я только сейчас заметил, что рука сама по себе отламывает ломтики хлеба и отправляет их в рот.

– Только дядя Илья. Пишет, что все хорошо, радуется, что такие ученики хорошие. Папу увидит сегодня.

Ага, раз сам Илья Григорьевич отметил, значит, точно впечатлились. В учебниках напишут отдельную главу. А папа – это у нас, похоже, Сталин.

Мы опять остались одни. Я пожал плечами:

– Спасибо, я бы проставился, но сама видишь... – Я развел руками, показывая местную обстановку.

– Да, неаккуратно ты эвакуировался, Петр. Тебе же дали все явки. А теперь поцелуй меня!

– Что?

– Дурак, тут киевские бабы себе мужиков ищут. Посмотри по сторонам.

Ну и правда. Миловались у ограды, будто и войны нет, и каждое утро трупы не складываем штабелями.

Я прихватил Анну через колючку чуть пониже талии, она поощряюще взвизгнула. Любовник из меня сейчас, конечно... Голова гудит, в брюхе кишка кишке дули крутит... Немец на вышке громко хмыкнул, закурил. Я поцеловал женщину, и надо сказать, это было... с языком и глубоко. Аж дыхание перехватило.

– А ты ходок! – Анна отстранилась, достала зеркальце. – Ну вот, всю помаду смазал!

– Дело говори! – Я разозлился. В Москве жена под бомбами раненых лечит, а я тут...

– В лагере есть подпольщик. Его кличка – Енот. Со шрамом такой, у правого виска. И ухо с той же стороны не совсем целое. Найдешь его, скажи, что он похож на твоего одноклассника Костю Хороленко. Попробуйте устроить побег. Иначе сам понимаешь... На старые явки не ходи – они провалены. Пользуйся теми, что дал Кудря. Понял?

– Понял. – Я тоскливо посмотрел на пулеметы по периметру.

Допустим, на колючку можно ночью накинуть рванину какую и перескочить. Но ведь покروشат. Дай бог на рывке треть уйдет.

– Думай, Петя. И действуй. Не жди, пока вас на экзекуциях перевешают.

– Ты тоже подумай, все варианты надо учесть. Не получится с этим вашим парнем, попробуйте забрать меня как родственника. Громов Петр Григорьевич, нулевого года.

Не прощаясь, я пошел к барaku. Надо было собирать вокруг себя народ. А для начала обойти все коровники и разыскать этого мужика со шрамом. Енот! Это ж надо какую кликуху забацали. Хорошо, что не Ежик.

* * *

Как же вовремя я отошел! Немцы именно в этот момент

набирали «добровольцев» для повторения вчерашнего представления. Ну и где их искать? Да вот, где толпа стоит. Все быстрее, чем выгонять из бараков да строить. Подошли трое с карабинами и один с собакой, отогнали в сторону с полсотни ходячих и повели в сторону университета. Самое главное, что никто даже не возмущался и не протестовал. Шли как положено, не рыпались. Пара человек всего попытались вырваться, но и они успокоились, получив по хребту прикладами.

Как же так? Так быстро утратить волю к жизни... И тут я вспомнил, как сам вчера стоял точно таким же бараном. Только и хватило меня, что крикнуть слова поддержки Опанасу. И самого потащили бы, так тоже поперся бы и шею в петлю засунул.

Надо отсюда уходить. Кто захочет – пойдет воевать, за свое драться. Кто решит помирать – пусть остаются. А иначе нас тут всех перевешают или с голодухи дойдем.

Так, Петя, завязывай, а то за думками своими весь хлеб в одну харю захрумкаешь. Пошел к себе в барак, нашел майора Ивана. Отозвал в угол, показал буханку, в которой я, как тот еврей из книжки, проковырял мышиную нору. Вот только мой товарищ совсем не брезгливым оказался и руки к еде потянул. Голод – не тетка.

– Сейчас, – говорит он, а у самого слюни изо рта потекли, – на всех поделим.

– Погоди, браток, полсекунды, – отвечаю я, – прикрой ме-

ня тут в уголке, надо посылочку достать, – а сам хлеб ломать начинаю.

– Ты что творишь? – зашипел он и подставил под каравай свою фуражку. Чтобы, значит, ни одна крошечка не пропала. А я, морду лица отъевший на штабных харчах, про такое и не подумал. И совсем некстати вспомнилось, как еще пару дней назад я нос воротил от тушенки: мол, надоела. Дату годности еще смотрел, дурак. А тут люди крошки делить собираются.

Иван хоть и следил больше всего за судьбой хлеба, а посылочку увидел. Я смотал с ножики вощеную бумагу и отправил в ту же фуражку – на нее тоже мякушка налипла. Приблуду я в сапог определил. Мельком глянул, конечно. Лезвие годное, сантиметров пятнадцать, ручка хорошая, скользить не должна, с упором. Не нож – сказка.

– Все вроде, – говорю и подаю майору его фуражку.

– Я так понял, тебя свои нашли? – Иван кивнул на голенище, за которым теперь грелась финка.

– Да. Надо уходить отсюда, – бросил я.

– Но я же тебе говорил...

– И что? Ждать, когда нас всех в траншеях зароят и сверху утрамбуют, чтобы мертвяки наружу не лезли? И так, и так подохнем. А так хоть подеремся напоследок. Поговори со своими, пойдут они? Есть верные люди?

Майор посмотрел на меня скептически, но кивнул.

Ну и оставил я его, пусть перетрет с ребятами, дело все же добровольное. Да и знает он их лучше. А я пойду, прогу-

ляюсь. Благое дело, немцам-то, что внутри забора – вообще по барабану.

Походил, посмотрел. У кого-то шрамы на лице, но уши целые, у других – наоборот. Наконец я уже начал думать, что Аня эта мне что-то не то напела и никакого Енота здесь нет. А ведь не начнешь расспрашивать, не видел ли кто такого. Народ разный, пойдут стучать еще.

Стоило мне подумать, что поиски напрасные, как в меня врезался мужик, у которого на правом виске был здоровенный шрам, от брови и до самого уха. Вернее, его нижней половинки.

– Привет, – чуть не кричу ему от радости. – Что ж ты так неосторожно ходишь? Эх, если бы не был похож на моего дружбана Костю Хороленко, я бы тебе ответочку дал.

– А що, Костя просто товаришем тобі був? – спрашивает он, а сам меня глазами так и ест.

– Не, однокласником. Веришь, за одной партой сидели всю школу, прямо с первого класса! – И уже тише добавляю: – Здравствуй, Енот.

– І як же тебе звать-величать, дорогой товарищ? – спрашивает полутораухий.

Он и русские слова произносит, как украинские. Видать, с Западной недавно, у них там больше польский в ходу был. Да пусть хоть по-китайски журчит, лишь бы помог выбратся.

– Петром кличут, – отвечаю, а сам потихоньку смотрю по сторонам, нет ли поблизости кого особо любопытного.

Хорошо, что не спрашивает, от кого я. Вот такие вопросы были бы нехорошим сигналом. Хотя понятно, что в это место по заданию партии не полезут, тоже случайно попал, как и я.

– Есть желание присоединиться к вашему коллективу с целью ухода из этого места. – Мы отошли в сторону, за барак. – Не нравится мне тут почему-то.

Во завернул, аж самому понравилось. Видно тлетворное влияние французской литературы, там каждый второй с такими выкрутасами разговаривал. А каждый первый – еще цветистей. Еще бы недельку там посидел, я б и «сударями» начал окружающих называть.

– Шо, и план есть? – поинтересовался Енот.

– Будет.

– Ну як буде, заходь.

Ясно. Стережится Енот. Хоть и с паролем я, а подпольщик меня первый раз в жизни видит.

Интересный дядька. Не военный, это точно. Ходит даже как гражданский, вразвалочку, руки в карманах. Чекист? Может, и оттуда. Мне сейчас хоть черта в попутчики давай, я особо кобениться не буду. Уйдем, а потом видно будет, кому и куда.

Ладно, нужен план. Я еще раз обошел лагерь по периметру. Охраняется он будь здоров, фашисты бдят, на всех вышках – попкари. Ночью включают прожекторы, пускают патрули с собачками. Нет, не вырваться. Надо идти в администрацию. Но туда посторонних не пускали. Значит, надо стать

для них своим. Тогда и подобраться поближе получится.

Я понаблюдал за караулкой, которая была совмещена с домиком администрации. Движение оживленное, но и охрана строгая. А казармы нет. Получается, охранники привозные. Оттрубили сутки – и баюшки в места постоянной дислокации. Считаем. Четыре попки по углам и пятый у ворот – всего пятеро. Если на три смены, то пятнадцать человек получается. Два собачника, начкар, ну, пусть еще два зама. На круг выходит два десятка. Если и пытаться напасть изнутри, то только когда начальник или его замок поведут смену. Так сразу половина выключается. А ночью отдыхающая смена еще и дрыхнуть будет.

А вот и доверенная группа администрации. Выходят из караулки. Видать, загнали их туда пошнырить. А еще говорят, что немцы, мол, порядок блюдут. Да любой салага тебе скажет, что пускать посторонних в караулку нельзя. Расслабились, значит, фашистики. Что ж, нам это в плюс только. Так вот уборочку наводили у немцев те же трое шакалов, с которыми я вчера познакомился. И гоняли швабру по полу за жратву: вон, армейский хрен довольно рот рукавом вытер.

Я вернулся в наш барак, пошептался с майором.

– Имеются верные люди, но насчет тебя, Гром, сомнения есть, – честно признался Иван Федорович, потирая лысину. – Человек ты штатский, тебя никто тут не знает...

– Понимаю, – кивнул я. – Никаких обид. Ты мне вот что скажи. Вот эти трое, что меня вчера встречали, откуда взя-

лись? Что за люди?

– Говно они, а не люди, – сразу посуровел Иван. – Как пришли сюда, так и начали права качать да отбирать последнее у тех, кто послабее. А потом мосластый этот, Пика, политрука своего сдал.

– Раз так, – говорю я, – то сегодня ночью я вам докажу, что доверять мне можно. Но нужна помощь.

– Какая?

– На шухере постоять.

– Это мы всегда.

Я улегся у стены, сделал вид, что засыпаю. Дождался, пока придут на ночь в барак шныри. Во главе с мосластым. Начали в углу устраиваться, что-то даже жрали. Ужин у них. Весь барак зло смотрел на уродов, но молчал.

Окончательно стемнело, фашисты зажгли прожекторы. Пленные начали засыпать, захрапели и шакалы. Я подождал для верности часик, другой, пнул майора. Тот как и не спал, мигом открыл глаза.

Я достал финку, кивнул на мосластого. Дождался, когда Иван тихо разбудит парочку товарищей, прокрадется с ними ко входу. Сам же скользнул к главному, взял нож обратным хватом. В тот момент, когда он особенно сильно всхрапнул, аккуратно распахнул пиджачок, приподнял рубаху. Мосластый что-то почувствовал, начал открывать глаза, но было поздно. Я закрыл рот ему левой рукой, правой сильно ударил точно в сердце. Шнырь пару раз дернулся, выпучил глаза и

все... кончился.

У входа громко вздохнули майор со товарищи, но промолчали.

Я оттяпал у покойника кусок исподней рубахи, запихнул в рану. Хоть кровить особо и не должно, но на всякий случай, для верности. Также аккуратно накинул рубашечку, клифт.

– Ты дурак?! – зашипел гневно мне на ухо Иван Федорович. – Нас за Пику завтра у стенки покрошат.

– Не переживай! – уверенно зашептал я в ответ. – Все продумано.

Я вытер лезвие об одежду убитого. Один хрен не видно. Потом все же заныкал приبلуду в углу барака, зарыв в песок. Так, на всякий случай. Ежась от холода, улегся у стены.

* * *

Спал чутко, как только ударили в железную рельсу, подорвался первым. Встал, потянулся на весь барак, зевнул. Пленные просыпаться особо не хотели, но что делать. Начали вставать и шныри. А я уже был рядом.

– Ну что, сегодня опять шакалить? – Я пнул по ботинку чернявого хрена со споротыми петлицами. Нос у него разбух, посинел и, наверное, болел при движении головой. Натуральный красавчик! Глаз радуется.

– Отвали, – буркнул тот.

– О, а ваш корешок-то того... посинел уже. – Я прило-

жил палец к шее мосластого, внимательно осмотрел его. Нет, крови не видно было. И тут главное – не давать им раздумывать.

– Да, холод не тетка. Во сне кончился. – Я кивнул ошалевшим шнырям и крикнул подошедшим поближе ребятам из компании Ивана. – Давай, взяли, понесли в сарай. Быстрее, вон еще сколько отошло за ночь!

– А ты чего раскомандовался? – Чернявый насупился.

За моей спиной встал майор с двумя лейтенантами.

– Теперь я за Пику. Взяли, я сказал! – Мне пришлось повысить голос, и это сработало.

Шныри схватили кого-то из умерших под мышки и за ноги, потащили наружу. А Пику, уже в одном грязном исподнем, бросили в угол сарая рожей вниз. Только отошли, я опять скомандовал, не давая опомниться бакланам:

– Пошли к куму, знакомиться будем.

– Да не будет герр Штраузе с тобой бакланить! – Носач был мрачен. Вестимо дело, радости мало, когда вожак ласты склеил, а банкует тот, кто вчера еще тебя по морде лупил.

– Еще как будет. И даже по-немецки пошпрехает. Заложимся?

Слегка привел себя в порядок – умылся из бочки с дождевой водой, причесался пятерней. Теперь я готов к встрече с герром Штраузе.

Не столько эти гаврики меня вели, сколько я их подгонял. Видать, прикидывали, что с теплого места их могут согнать. Ну не говорить же, что им и жить осталось день-два, не больше. Так что прошло совсем немного времени, а я уже стоял перед дверью, на которой висел листочек бумаги с каллиграфически выполненной надписью «Гауптман Штраузе». Видать, чтобы не заблудиться, если лишку выпьет.

Я постучал, аккуратно, но громко. Дождавшись ослиного рева «Йя-аа» из-за двери, вошел, прикрыл за собой дверь и встал на пороге. Видать, гауптману вчера было хорошо, об этом говорили кроличьи глаза и жадно поглощаемая вода из стакана.

– Разрешите обратиться, герр гауптман, – сказал я на чистом немецком с уопомрачительным громовским акцентом.

– Кто такой? – Штраузе попытался рявкнуть, но, видать, голова и без этого звенела.

– Громов. Петр Громов, гражданское лицо, попал сюда совершенно случайно. Вот, у меня есть бумага, в которой говорится, что я не являюсь военным. – Я помахал своей замечательной справкой, но внимание коменданта было приковано к графину с водой, стоящему перед ним.

Я шагнул вперед и взял на себя смелость помочь Штраузе.

Вода из стакана исчезла в арийском организме со скоростью звука.

– Что надо? – Несмотря на то что вода у него чуть не из ушей лилась, легче фашисту не становилось.

– Военнопленный, который помогал солдатам и герру коменданту, сегодня ночью умер. Замерз. – Судя по всему, как раз это немца волновало мало. – Я мог бы взять на себя обязанности...

– Иди, – отмахнулся от меня Штраузе. – Скажешь, что я приказал...

Выговорить, что он там разрешает, он не смог, а я не стал уточнять. Да уж, надо было дожидаться, пока он опохмелится или в себя придет. Так кто же знал? Ладно, потом еще немного поокучиваю фашиста, чтобы закрепиться.

Спрашивается: а на кой ляд я пошел к немцам услуги предлагать? Затем, дорогие товарищи, что добровольный помощник, который подошел к часовому, подозрений не вызывает. Немецкий зольдат поспешит послать его за куревом или питьем, а не будет судорожно сдергивать с плеча карабин и целиться в непонятного русского.

Мои спутники никуда не делись, наоборот, терпеливо дожидались, переступая с ноги на ногу – вон, целую поляну возле крыльца натоптали. Стоило мне выйти из двери, как они с какой-то непонятной надеждой уставились на меня.

– Чего расселись? – Я решил не давать им шансов подумать, а озадачить по самое не балуйся. – Я теперь вместо Пи-

ки. Вперед, к караулке! – Замешкавшемуся чернявому хану-рику я даже успел придать ускорение пониже спины.

Вот так они вдвоем и бежали мелкой рысью сколько-то метров до караулки. Калитка была заперта, но я смело в нее затарабанил.

– Кто там? – спросили изнутри через несколько секунд.

– Громов, привел помощников для уборки помещения! – бодро ответил я.

Загремел засов, и нам открыл какой-то рыжий фельдфебель. Видать, отдыхал от службы, потому что на кителе пара верхних пуговиц была расстегнута.

– Наконец-то нашелся кто-то, говорящий на нормальном языке, – приветливо сказал он. – А то этот собачий лай надоело слушать. Тебя как зовут?

– Петер. Я фольксдойч, случайно сюда попал. Вот герр комендант...

– Он тебя не прибил? – засмеялся фельдфебель. – Штраузе с похмелья ужасен. Ладно, заводи этих бездельников.

– Так, ты, как тебя, – дернул я военного, – будешь Карликом Носом. Бегом в караульное помещение, убраться там. Ты, – ткнул я пальцем в грудь гражданского хрена, – будешь Чумой. Тебе достался приз – дворик караульного помещения. Чтобы через полчаса здесь ни соринки не осталось! Бегом, что сопли жуем?! – закричал я.

– Вот это я понимаю, – сказал фельдфебель. – Пойдем, налью тебе чая.

А вот это дело хорошее, сейчас я караулку со всех сторон срисую. А черти пусть шуршат, от них не убудет.

* * *

Налили не только чаю, но даже шнапсу. Прямо как в фильме «Судьба человека», который нам показывали в лагере за неделю до попадания сюда. В том, другом лагере. Который уже и вспоминается расплывчато, будто не со мной все это было.

Повторять Бондарчука я не стал – после первой сразу закусил салом, хлебом, что на стол выложил фельдфебель. Ведь зачем наливают на голодный желудок? Правильно, чтобы человечек захмелел побыстрее, язык у него развязался, и лагерный кум много чего нового мог узнать. Кто готовит побег, есть ли подполье и кто в нем состоит... Понятное дело, что начкар – не кум, но лишнее слово и тут помешать спокойной жизни может. Да и не стакан предложили, а так, рюмочку для воня.

Взамен шнапса пришлось выслушивать длинные жалобы рыжего про то, как не по правилам воюют Советы. Устраивают засады, диверсии...

– Слыхал, поди, как самого Гиммлера взорвали на параде? Твари! – Фельдфебель аккуратно выпил рюмку, пригладил топорщащиеся во все стороны усы. – А сколько там еще наших парней погибло! Представляешь, после первого взрыва,

как начали разбирать завалы, раздался второй. Спасателей тоже в клочья. Какая-то самодвижущаяся мина... Придумали на нашу голову. Куски потом, говорят, долго собирали. Так и похоронили кучу мяса и кишок. Кто там разберет, где чьи?

– И что же теперь делать? – спокойно поинтересовался я, засовывая в себя колбасу с чесноком. Этого добра, кстати, тоже не гору наложили, парочку кусков на почти прозрачный кусок хлеба размером с пару спичечных коробков – и хватит.

– Пусть у гестапо болит голова, – отмахнулся рыжий. – Решили устроить повальные облавы и аресты в Киеве. Но ты поди обыщи такой огромный город. Да, кстати! Вы там, в бараках, уплотняйтесь. Скоро новую порцию пленных приведут.

– Сколько? – поинтересовался я.

– Не знаю, – пожал плечами фельдфебель, потом засмеялся. – Но долго они у нас не задержатся. Получено указание прямо из Берлина, чтобы ускорить экзекуции. А кого не успеют, в другой лагерь выведут. А то тут... Сам видишь, все на скорую руку, забор от ветра упасть может... Вот как такое охранять?

– Вешать будут?

– И вешать, и стрелять. Наш Штраузе предложил живыми закапывать. Евреев и коммунистов – в первую очередь. Да, а вот ты... – Рыжий с подозрением посмотрел на меня. – Не из этих ли ты, часом?

Рука подвыпившего фельдфебеля опустилась на кобуру.

– Боже, нет, конечно! – Я перекрестился.

– А, ну ладно... Коммунисты, они все атеисты... – Рыжий икнул. – А еще фанатики. Помню, едем в колонне мимо поля, а там – копны с сеном. В них окруженцы часто прятались. Ну, дали очередь, вторую. Кто-то застонал внутри. Наш лейтенант велел поджечь. Плеснули бензином, подожгли. И сразу несколько голосов проклинаят нас на разный лад. Ротный потом перевел. Огонь разгорается, а они Интернационал поют. И никто! Никто не выбежал!

– Так они, наверное, раненые были! – Я до боли сжал себе коленку.

– Это точно! Но сомнений нет. Это все недочеловеки, бросовая раса. Нам на курсах объясняли. Вот, посмотри.

Фельдфебель достал из стола довольно затасканную брошюрку со свастикой. Авторства Альфреда Розенберга. Я быстро просмотрел ее. Уберменши, унтерменши, Ницше, какие-то изображения черепов. «Мы позаботимся, чтобы никогда снова в Германии, сердце Европы, не могла быть разожжена изнутри или через эмиссаров извне еврейско-большевистская революция недочеловеков...» Короче, фашизм в изложении для умственно отсталых.

– Мы самой судьбой поставлены властвовать в Европе, – убежденно вещал рыжий. – А может, и во всем мире. Но это еще не точно, там японцы в Азии вроде как тоже высшая раса. По мне, так макаки хуже славян. Глаза узкие, подлые...

– Где же ты их видел?

– Тоже на курсах показывали плакаты. Как отличить китайца и японца. И зачем нам это?

– И как же?

– Да поди пойми. Уши там, скулы... Не запомнил.

Пока мы болтали, шныри тем временем помыли полы, протерли окна.

– Ладно, валите обратно, – дал команду фельдфебель. – Нам скоро опять на экзекуцию собирать народ. Кстати, с вашего барака и начнем!

Глава 3

Разумеется, я первым делом предупредил майора Ваню. Велел брать всех сочувствующих и бежать в дальний барак. Еле успели.

Потащили сегодня на казнь не меньше сотни человек, вдвое против вчерашнего. И снова люди побрели почти без слов. Точно, валить надо, да побыстрее, а то ничто не спасет. Это же как асфальтовый каток: проедет по тебе и не заметит.

После этого я без особой охоты сходил к той части колючки, где собирались местные. А вот и Аня, от нетерпения аж пританцовывает. Меня, что ли, заждалась? Но только я шагнул к ней, оказалось, что не про Петю были девичьи мысли и мечты. Товарищ Енот хоть и с неполным комплектом ушей, но вызвал неподдельную радость при свидании. На кого же ты меня променяла? А я так верил! Ладно, не буду мешать вашему счастью, милуйтесь, голубки. А я схожу, посмотрю на новую партию. Вон, ворота открыли, заводят.

Привели человек триста, наверное. Почти целый батальон получается. И видать, этот загон для скота у них не первый по пути в ад. Одеты слишком уж разномастно, на многих не по одному слою одежды. Да и лица... пожухлые сильно. Много раненых, которых поддерживают товарищи.

О-па-на! Знакомая физиономия! Да это же лейтенант-разведчик, это же он мне в Конотопе «голиаф» подогнал! Как же

его? Бычков? Нет, Быков. Алексей вроде. Я на него и его ребят потом оформлял наградные. Да уж, в таких местах встречаться со знакомыми не очень-то и хочется. А гимнастерка на нем с сержантскими петлицами, чужая. Еще и с дыркой на брюхе.

Вот ты мне и нужен, лейтенант Быков! Разведчик в нынешней ситуации – это не просто хорошее дело, а целый козырный туз! И мы его обязательно предъявим герру Штраузе. Только вот выглядел он... тоже не очень. Глаз замотан грязной повязкой, еле волочит ноги.

– Привет, Алексей, узнаешь?

Я тихонько отделил разведчика от толпы, отвел к колючке.

– Соловьев? – Быков вскинулся, но потом опустил голову. – Только я Андрей. А почему в гражданском?

– Так надо. Ты как? Что с глазом?

– Комом земли от взрыва прилетело. Теперь не открывается, все отекло.

Да, в этом я не специалист. Ему бы окулиста, но где его тут возьмешь? Одни похоронные агенты в наличии. Могилу отрыть и зарыть – вот это мы можем. Некоторые особо грамотные предлагают всех в траншею загнать и прикопать сверху, не дожидаясь, пока сами передохнут. Опять же, экономия ценного пищевого ресурса.

– Ладно, пойдем, познакомлю с нужными людьми. Только ты это... не свети меня. Спросят – скажи, мол, по Конотопу

знал, помнишь только, что Петром зовут.

– Конечно, скажу, раз такое дело. – Разведчик даже ожи-
вился немного.

Подвел Андрея к майору, познакомил. Пусть ребята по-
общаются, а у меня дел еще много, везде успеть надо.

Первым делом я нашел товарища Енота. Не, ну а что:
с девчонкой моей миловался, так пусть хоть куском хлеба
поделится. Жлобиться нехорошо. Нашелся он примерно на
том же месте, где я его вчера обнаружил. Прогуливался, иг-
рая в кулака-единоличника. Расправлялся с моей законной
пайкой. Кто его знает, сколько он сожрал без меня? А ведь
делить будет – скажет, что так и было. Я эту хохляцкую на-
туру знаю хорошо, сам такой.

– Здравствуй, – говорю я, подходя поближе. – Не меня ли
ждешь?

– Може, й тебе, – хмуро отвечает мне представитель под-
польного чего-то.

Вот спрашивается: что ты весь из себя такой рыцарь пе-
чального образа? Я ведь со всей душой, а ты смотришь, буд-
то я тебе в третьем классе в чернильницу помочился, и за-
быть такое не в силах.

– Видел, справочку про меня получил? – спрашиваю как
можно дружелюбнее. Да что там, я почти улыбался этому
Еноту!

– А ты що, следил за мною?

Да, похоже, фокус с чернильницей повторялся не одна-

жды, вон как фыркает. А парень точно с запада, говорит не как в центре и на востоке, переиначивая русские слова на украинский лад и наоборот, а просто мешает их в предложении, заменяя родной речью слова, чтобы не думать над переводом.

– Нет, не обучен. Просто видел, как ты возле колючки с нужным товарищем базарил. Ты хлебушек-то перестань щипать, мне им еще одного хорошего парня кормить надо.

– Це хто такий? – с деланным равнодушием интересуется Енот.

– Командир разведчиков. Самое то для нашей задачи. Поможет часового снять.

– План ще не утверджен, ніякої самодеятельности, – занудил подпольщик, как лектор про международное положение.

– Смотрю я на тебя: вроде и умный, а присмотришься, так дурак дураком. Мне сегодня немчик похвалился, что скоро нас тут всех на ноль помножат. Кого не повесят, того расстреляют, а выживших в землю закопают. Не иначе для повышения урожайности в Киевской области. Будешь ждать, когда начнется?

– Коли отримані сведения? Источник?

Я враз почувствовал себя, как у особиста в гостях.

– Говорю же, сегодня. Начкар рассказал, фельдфебель Матиас Корф, если тебе так надо знать подробности. Время начала акции еще не согласовано, но в ближайшем будущем.

– Чому зразу не доложил? Такие сведения треба в об-

ком... — зашипел товарищ Енот.

— Притормози! — оборвал я его. — Не подсказешь, с какого перепугу я тебе должен что-то докладывать? Ты здесь неизвестно сколько уже штаны протираешь, а результатов — одно хождение с таинственным видом по территории и сообщения в неизвестную даль. Я вчера пришел, к немцам в доверие втерся, группу сколотил. И чего я дождался? Что ты мне через губу цедишь: мол, ждите, вас когда-нибудь примут. Мне такое на хрен не надо, дорогой товарищ!

— Та я не про те, не так выразился, — попытался успокоить меня подпольщик. — И в думках не было...

— Ладно, слушай, что я придумал, — уже поспокойнее говорю я. Вот же нервы! — Вечером, как прожектора зажгут...

* * *

Поговорили с Енотом, согласовали, что да как. План он мой принял, только уточнил кое-что. Напрасно я на него так психовать чего-то начал. Одно дело делаем, а что с подозрением отнесся поначалу, так это специфика работы. Ну да, если считать каждого встречного предателем, пока обратное не выяснится, то есть шансы прожить подольше.

Понес я для начала честно отобранный хлеб Андрею Быкову. Для него у меня самое важное задание. Можно даже сказать, если не он, то и никто. Потому что артиллеристы есть, танкисты есть, даже саперы и те есть, а вот снять часо-

вого, чтобы шухер не поднялся, таких до сей поры не было. К тому же надо сообщить участникам операции, что они в ней участвуют. Я-то их записал, а они еще не знают. Навроде как облигации на работе раздают: пришел деньги получать, а тебе ведомость подсовывают, что ты их вроде и не хочешь.

Пока Андрей под завистливыми взглядами и возгласами «Да нам особо и не хочется!» поедал ровно половину дополнительной пайки, я коротко довел до майора Вани и прочих участников немножко подрихтованную версию событий. Дескать, подпольный обком загорелся желанием и всякое такое. Долго думал, говорить ли им про предстоящее ускоренное освобождение территории лагеря, а потом все же рассказал. Чтобы не было соблазна предложить провести учения и тренировки личного состава. А то я этих военных знаю, любое дело под бумагами похоронить способны.

Что-то не с той стороны я начал обход, надо было то, что сейчас сделать собрался, сначала организовать. Но хлеб подвел. Не отбери я его, сточил бы Енот буханочку, а потом у него от сухомятки живот бы болел. Так что спас я товарища от опасной для здоровья обжираловки. Как говорили персонажи какой-то книги из чердачной библиотеки, лучше поздно, чем никогда. Вот и я направился к начкару. Событьишники, можно сказать. И почти лучшему другу.

Фельдфебель Корф про меня не забыл, хотя за день устал очень сильно: от выхлопа, исходящего из его глотки, неподготовленный человек тоже устал бы и упал без чувств. И мое

желание привести чертей для уборки вечером он воспринял понимающе. Обещал новой смене сообщить, чтобы они меня с помощниками не расстреляли.

— А лучше всего, — сказал Матиас, — подходи через часок, я тебя и покажу сразу. А собачников не бойся, в питомнике чумка, так что сегодня ночью эти твари вообще мешать не будут.

Вот тут я понял, что все в нашу пользу складывается, даже собачья чумка и та за нас. Не напрасно Михаил Петрович меня везучим называет!

— Схожу пока к коменданту, — говорю я начкару. — А то неудобно, так толком и не представился.

— Давай, — хлопнул он меня по плечу. — Сейчас Штраузе в отличном настроении. Самое время, пока он не нажрался опять.

Возле комендантского крыльца никого не было, чтобы спросить разрешения. Удивительная беспечность. Хотя попкарь на вышке и караульный дворик с конторой охраняет, так что чужие здесь не ходят.

Как я уже говорил, вышки в этом санатории ставили те еще умельцы. Площадочка на кривых ногах высотой метра два с мелкой копеечкой. Ни тебе нормальных бортов, ни двери, закрывающейся изнутри. Одна только подставка под пулемет, вот и все. Но этих часовых мне не жалко ни грамма. Очень даже наоборот.

В предбаннике перед дверью в кабинет гауптмана никого

не было. Только сам начальник что-то бубнил внутри. Прислушался – по телефону триндит. Ну, сюси-буси, как дела, еще не родила. Пустая брехня, как обычно. И вот Штраузе наконец переходит к делу. Мол, нельзя ли, чтобы вместо него заместитель службу потащил. Всего три дня, вот прямо начиная со следующего понедельника. А то страсть как хочется съездить к друзьям-товарищам в Дарницкий лагерь по обмену боевым опытом. Ха-ха, да, конечно, посмотреть на сына Сталина тоже хочется, пока его не повесили на том самом месте, где я уконтрапупил очкарика.

Вот это номер! Сын Сталина уже в плену? Вроде бы он в Белоруссии должен быть. Детали я помнил смутно: будто бы бежать пытался, через колючку прыгал, его и застрелили. А сначала пытались сменить на Паулюса. На что, опять же по слухам, Сталин ответил, что рядовых на генералов не меняет. Похоже, это все свистеж, ибо Яков службу тащил старшим лейтенантом.

Я продолжил аккуратно подслушивать, что там вещает херр майор. Про тяготы и лишения, фанатиков русских. Ну и про скуку. Ах, как хочется развлечься с камрадами. Тварь, я бы тебя в говно истоптал, да не время пока. Пару-тройку часов побухай еще.

Дождался, когда любитель земляных работ с участием военнопленных повесит трубку, и постучал в дверь. Аккуратно, но твердо. Типа имею право, но из вежливости даю знать. Дождался спокойного «Войдите», ну и явился пред ясны

очи.

Нет, насчет ясных я погорячился. Порядком залитые уже. Но я внимания не обращаю, пускай человек воспользуется уникальной возможностью нажраться без похмелья. Раз в жизни бывает, и то не у всех. Начал опять про себя, что я фольксдойче, сугубо гражданский человек, попал по ошибке, готов помочь по мере сил, вот и господин фельдфебель...

– Хватит говорить, пока у меня голова не заболела, – остановил меня гауптман. – Что там у тебя за бумаги?

Я достал свою справочку, подал ему. Что он там смотрит? Ни буквы же по-русски не знает. И не думаю, что вертухай – спец в советских документах.

– Это справка об освобождении из сталинского лагеря, – объяснил я и, упреждая следующие вопросы, добавил: – Сидел за то, что с товарищем избили еврейского комиссара. Вот и пришлось три года... ни за что практически.

– Я помню, Матиас говорил про тебя... – ровно, тщательно произнося слова, как это бывает у пьяных, сказал Штраузе. – Акцент у тебя ужасный, конечно, но хоть понятно, что говоришь. – Тут он икнул, обдав меня не менее густым, чем у фельдфебеля, выхлопом. – Решено, будешь при мне переводчиком. Гордись!

– Когда прикажете приступать? – как можно более угодливо спросил я. Надеюсь, получилось.

– Утром после подъема... – Комендант замолчал, собирая в кучу разбегающиеся мысли. – Сюда подойдешь... Опреде-

лю тебя...

— Разрешите в караулке переночевать, — я решил воспользоваться моментом и просить побольше, — а то в бараке очень холодно.

— Валяй, — милостиво разрешил немец. — Скажешь... Кому скажешь?.. Кто сегодня заступает в караул?.. А! — вдруг крикнул он. — Мюллеру скажешь, что я разрешил! Хотя нет... Посторонним в караульном помещении находиться нельзя! Или можно? Спросишь у Мюллера, как он скажет, так и будет! Иди уже! — И гауптман потерял ко мне всякий интерес, внезапно начав исследовать что-то в ящике письменного стола. Поди, бутылку принялся искать. Ну, не будем мешать.

* * *

Новость про Дарницкий лагерь прямо жгла меня, требуя с кем-нибудь ею поделиться. Но ничего не поделаешь, служба есть служба. Так что я пошел и послушал пьяную брехню Корфа, состоящую из дикой смеси военных подвигов, описания встреч с дамами, обладающими пышными формами и горящими желанием прыгнуть в койку к бравому фельдфебелю, и мечтаний по поводу послевоенного будущего, когда заслуженный ветеран займется сельским хозяйством в поместье на юге Украины, как и обещал великий фюрер. При этом он так резко перескакивал с одной темы разговора на дру-

гую, что я уже через пять минут перестал понимать, зачем он застрелил с расстояния три километра ту девку с огромным задом, если она собиралась жать пшеницу и кормить хрюшек? Оставалось только кивать время от времени и восхищенно хмыкать.

Наконец приехала смена. Ровно шестнадцать немчиков. Не богатыри. Вертухаи обыкновенные. Уж не знаю, упражнялись ли они в стрельбе из пулемета в последнее время. Хотя лучше считать, что они все тут асы-пулеметчики, способные с первой очереди сбить муху в полете. Тогда и не будешь надеяться, что они промажут.

Фамилия начкара была не Мюллер. Вебер. Просто комендант спьяну перепутал. Ничего страшного. Сменщик любвеобильного Матиаса был сух, не улыбочив и недоверчив ко всему на свете. На меня смотрел подозрительно, но вроде как Корф смог убедить его, что я хороший парень, хоть мне и не повезло родиться вдали от родной земли. А уж новость, что мои помощники вскоре придут для тщательной уборки помещения, смягчила сердце непреклонного до сих пор воина. Он даже пожаловался мне, что покойный Пика был ленив и постоянно норовил выпросить еду и сигареты. То, что я не курю, и вовсе заставило его улыбнуться. Я заверил герра начальника, что как стемнеет, так мы сразу, ну и отбыл к себе.

Оказывается, у меня тут большое количество поклонников. Первым мне встретился Енот. Вот ему я про Дарницу и рассказал. Мало ли что со мной случится, а передать та-

кое надо обязательно. Подпольщик только кивнул, ничего не сказал.

Запомнил, и ладно. Я добавил, что все остается в силе, и пошел к своему барaku.

Группа болельщиков в нетерпении бродила по окрестностям. И этих я успокоил, что планы не изменились. Сам всех успокаиваю: мол, ребята, все будет хорошо, а у нас оружия – моя финка, которую еще достать надо, и ржавый рашпиль у Енота. Может, он хитрит, и у него в заначке спрятан танк? Я не знаю, он не признавался.

Ждем, когда вторую смену поведет по постам разводящий. Пять человек отдыхающей смены и часовой на вышке – да что они стоят против моего грозного пера? Разбегайтесь, враги!

Со мной идет Андрей Быков – на нем самый стремный кусок нашей операции. Это ему надо снять без шума того, кто откроет калитку, и часового. Одноглазый, уставший от недозора парень против двух здоровых и сытых мужиков. Хорошо, что не вместе, а раздельно. Я ставлю все на Андрюху.

Вторым номером – мелкий вертлявый Игорь Никитин из Татарии. Есть там городок Елабуга, он оттуда. Не знаю, не был там ни разу. До этого вечера я с ним общался мало. Впрочем, как и со всеми. Но раз сказали, что лучше пулеметчика не найти, то не вижу смысла не верить товарищам. У него тоже простая задача – подавить четыре точки по углам периметра.

А на мне самое сложное — ждать и верить. Я и нужен только для того, чтобы подойти к калитке и сказать, чтобы ее открыли. Ну разве что коменданта пойти прибить. Нет, а что мне делать?

Конечно же, я пойду с Андрюхой крошить отдыхающую смену. Надеюсь, хоть мешать не буду.

* * *

Минуты тянулись, как смола, когда ее только начинают нагревать. Казалось, в мире ничего не происходит. Нет, кое-где в вечернем городе время от времени вспыхивала стрельба, тут же замолкая. Бухало одиночными и очередями, но так, будто нехотя, для галочки. А у нас — ничего. Часовые, нарушая устав, нагло дымили сигаретами на посту, даже особо не таясь ни от кого. Штраузе вышел на крыльцо и, громко икнув несколько раз, обильно блеванул, а затем скрылся в конторе.

Наконец что-то зашевелилось в караульном дворике, слышался недовольный голос Вебера, и пятеро часовых новой смены отправились вслед за разводящим. Подождав, когда они пройдут первую вышку на углу, выдвинулись к караулке и мы. Ни от кого не таясь, мы втроем подошли к калитке, и я громко в нее застучал.

— Кого там принесло? — заворчал Вебер с крыльца. — Отто, ты что так быстро вернулся? Случилось что-то?

– Это я, герр фельдфебель, Петер! Привел уборщиков! Мусор забрать и что там еще у вас... Кажется, авария на крыльце... – Я постарался произнести это как можно бодрее. Вроде получилось.

Часовой на вышке даже не шевельнулся, ему было не до нас. Как раз в тот момент, когда я постучал в калитку, начался специальный концерт для одного зрителя. Наши ребята вытащили на улицу Карлика Носа и Чуму, как раз в такое место, чтобы часовой это хорошо видел, и начали играть этими чувырлами в лагерный футбол. Шакалы летали в воздухе, орали и почти не падали на землю. Вокруг представления тут же собрались голодные до зрелищ зрители и начали подбадривать участников концерта.

Вебер открыл калитку и рявкнул:

– Что так поздно? Что там происходит?

– Драка, господин Вебер.

Немец выглянул. После этого он вдруг замолчал и внезапно решил лечь прямо на землю. Обычное желание человека, которому перерезали горло. Быков сработал на отлично! Он помогал начкару примоститься в сторонке, чтобы не загораживать проход, а я продолжал начатый разговор, рассказывая Веберу, почему мы задержались. Хотя моему собеседнику, похоже, было все равно. Удивительная невоспитанность.

Ребята возле барака как почувствовали, и крики оттуда понеслись посильнее. Наверное, скучающий часовой радовался неожиданной забаве. Не знаю, кто и как, но я не услы-

шал, как разувшийся Андрюха босиком забрался на вышку. Вот падение тела сверху я увидел. Мужик лет тридцати пяти с навечно удивленными глазами рухнул на землю аккуратно возле начкара. Чернеющая лужа крови начала увеличиваться от добавки.

– Игорь! Никитин! Давай! – крикнул я, и он помчался на верхотуру.

Мимо меня пронеслись какие-то тени и исчезли в каральном помещении. Вот там что-то пошло не так здорово, раздались выстрелы. Дважды кто-то пальнул и замолчал. Видимо, не хотел спать и сидел рядом с оружием. Но из длинноствола в небольшом помещении особо не постреляешь, так что там, скорее всего, тоже все кончилось.

Ну вот, и Никитин разобрался с пулеметом и пустил первую очередь. Потом еще. Бил он аккуратно, короткими. Похоже, первый пулемет, ближний, он с двух очередей и снял. Потом небольшая пауза – видать, целился, – и снова две очереди. И тут же еще одна. Только после этого немцы начали ответный огонь. Сначала одна вышка ответила, тут же и вторая подключилась. Похоже, палили немецкие бойцы в Киевскую область, не до точной стрельбы было.

Я в это время решил все же хоть немного вооружиться. Для этого пришлось перевернуть организм покойного Вебера и достать его пистолет. Дешевая дубовая кобура никак не хотела расстегиваться, но мои усилия все же увенчались успехом, и судьба подарила мне браунинг. Хоть и старой мо-

дели, на семь патронов, но я не в обиде. Запасная обойма, правда, была только одна, но четырнадцать зарядов намного лучше, чем ничего.

А вот и херр гауптман вылез наружу. В виде, позорящем славное имя немецкого офицера. Это чудо вышло на крыльцо в одном сапоге и в заблеванном мундире, застегнутом на одну пуговицу. Небось, сволочина, надеялся мне завтра всучить это для чистки. Как же, разогнался. Ищи, Штраузе, других дурачков. И куда ты собрался стрелять? Ты же на три шага перед собой не видишь, пьяный в зюю.

Вот почему нельзя пить на службе! И тем более на посту. Есть шансы быстро зажмуриться.

А хороший пистолет у начкара. С первого выстрела эту пьянь упокоил.

Глава 4

С вышки почти скатился Быков, весь в крови, как вурда-лак из сказок. А что вы хотели? Горло когда режешь, оттуда она, родимая, летит фонтаном. Думали, в бою все происходит так же, как у бравых молодцев из кино, у которых даже причесочка не портится, пока они десяток врагов уложат? Как бы не так. Грязное это дело – убийство. Но таких тварей уконтрапупить – это за счастье. Потому у Андрюхи улыбка во все зубы, сколько их там у него.

А наверху продолжалась битва. Получается, один на один остались наш Никитин с немчурой на той вышке, что от него слева по диагонали. Лупили они друг в друга – страшно стоять внизу было. Поэтому мы все легли. Прямо дуэль. Уж не знаю, что у них от стволов осталось, но пулемет, который над твоей головой куда-то лупит, – не самый приятный звук.

И вдруг замолчали оба. Как по команде. Тишина, что называется, гробовая. Я не выдержал, крикнул:

– Игорь! Никитин! Что у тебя?

А в ответ только стон невнятный. Да, надо бы поберечься: а ну, вылезешь туда, а тебя притихший фашист прибьет на месте? Но это я потом уже подумал, а сейчас рванул наверх. Наш пулеметчик отходил. Уж не знаю, как он мог стрелять; очередью ему почти полностью оторвало ногу по середину бедра. Но свою задачу он выполнил, и без всякого бинок-

ля было видно, что стрелять на остальных вышках больше некому.

На все ушло минуты две-три. Это с того момента, как мы в калитку постучали. А будто вечность прошла.

– Помогите кто-нибудь! – крикнул я вниз, и ко мне тут же забрался лейтенант из нашего барака. Молодой совсем, наверное, только после училища. Он глянул на Игоря, потом – на меня, молча взял Никитина за плечи и поднял. Я схватил за пояс, но проклятая нога сразу начала мешаться. Пока я думал, что с ней делать, она оторвалась совсем, скатилась к краю платформы и чуть было не рухнула вниз.

Мы спустили Игоря, уложили его чуть поодаль, чтобы не рядом с немцами, а потом уже этот молоденький парень снова поднялся на вышку и принес ногу, попытавшись положить ее ровно к тому месту, где еще несколько минут назад она была.

И тут толпа пленных из всех бараков рванула к воротам. Как по команде. Кто-то умный открыл створки, народ, протискиваясь и переругиваясь, повалил наружу.

– Стоять! – Майор кинулся наперерез, но куда там... Хорошо, что не стоптали, а только откинули в сторону. При- тормозила лишь пара человек и то... просто по вбитой привычке подчиняться приказам вышестоящего.

А остатки караула не трусили, начали обстреливать пленных. Выстрелы хорошо выделялись в сгущающейся темноте, тут все успели наслушаться, грамотные, трудно с чем-нибудь

спутать. Это добавило паники и неразберихи у ворот. Там и до этого порядка не было, а тут ломанулись со всей дури, сразу кто-то упал, и толпа прошлась по своим же, не в силах притормозить или сменить направление.

Мы тем временем обшмонали трупы немцев в караулке. Вернее, не все мы, а Енот со своей командой. Я ведь даже впопыхах не сосчитал, сколько их туда побежало. Оказалось, трое, включая подпольщика. Теперь двое осталось, так как третьего немец успел подстрелить. Они вынесли пять карабинов с подсумками.

Я побежал в кабинет коменданта. Черт, как его хоть зовут, этого парня, что со мной увязался? Из нашего барака ведь, а не помню вообще ничего.

– Заберем с собой, – решил я, обрывая в кабинете Штраузе телефонные провода и копаясь в ящиках стола. Бутылки, какие-то документы... Я сгреб бумаги в черный портфель, выглянул в окно. Вдалеке раздались частые выстрелы. Черт, черт... Надо спешить. А то сейчас караульные могут начать обстрел с вышек, видя, что им никто не мешает. И подмога может подоспеть в любую минуту. Вот тогда совсем кисло будет. Понятное дело, разбегающаяся толпа сильно затормозит немцев, но все равно – чем быстрее мы отсюда смоемся, тем лучше.

– Давай підпалимо! – К нам подошел Енот с каким-то крупным мужиком в штатском. – Це Махно, родич мій...

Ага, знаем такую родню – я заметил синие татуировки

на огромных кулаках спутника подпольщика. Осмотрел свое войнство. Четверо с майором, Быков, Енот с Махно. Итого со мной девять человек. Негусто. Остальные разбежались.

– Поджигай, чего уж там, – махнул я Еноту, и его родственник побежал внутрь.

Быков, наспех вытерший кровь с лица, полез на вышку снимать пулемет.

– Андрей, ты его как тащить собрался? – крикнул я ему.

– Так сейчас вот, без станка...

– Двенадцать кило, да ленты тоже не летают. Далеко не унесешь. Слезай, уходим.

Разведчик тяжело вздохнул, видать, и сам понимал, что носильщики из нас сейчас никакие.

– Да вдвоем с кем-нибудь понесем, – не согласился Быков. – Хоть и вперемежку. Нельзя бросать такое добро!

Наша добыча кроме пулемета с шестью лентами составила пять карабинов с подсумками, браунинг и парабеллум от начкара и коменданта, да три «толкушки», найденные в караулке. Ну и сухпай вместе с какой-то жратвой сгребли, не разбираясь, в ранец, подаренный немчиками. Было бы время, нашлось бы еще что-то, но ждать нельзя: совсем рядом, метрах в трехстах, наверное, снова началась стрельба. Одна надежда, что это патруль какой-нибудь, а не летящая по тревоге парочка грузовиков, набитых солдатней. Хотя времени прошло совсем немного.

Оружие распределилось как-то само собой. Вот оно лежа-

ло кучкой, не успел оглянуться – а и нет ничего. Майор Иван схватил парабеллум, а карабины рассосались между остальными участниками. И только мне остались «толкушки» и сиротливо лежащий на земле ранец. Ничего, еду тащить даже приятно: мне с каждым приемом пищи легче будет, а карабин как весил четыре кило с довеском, так и оттягивает плечо, становясь все тяжелее.

Я посмотрел на черный портфель, который до сих пор держал в руках. Хорошая вещь, богатая. Да только ну его, такую радость. Бумаги комендантские – тоже в рюкзак, место там еще найдется.

– Ну, куда идем? – спросил я Енота. – Веди, не стесняйся.

– Пішли, – кивнул он. – Тут не дуже далеко.

– Погоди, – говорю я. – Еще одно дело осталось. Совсем небольшое. Командир отряда... – И я посмотрел на майора.

– Как старший по званию, принимаю командование на себя, – сказал Иван. – Приказываю следовать за... – он замолчал, глядя на подпольщика, с которым еще не познакомился, – проводником. Замыкающий – лейтенант Быков. Старшина, – кивнул он еще одному молодому, лет двадцати пяти, – бегом в караулку, забери шинели, сколько есть.

Вот это командир, про все думает. В отличие от остальных, тут собравшихся. Холодно ночью каждому, а про укрыться один майор подумал.

Вот шинелек немецких на всех не хватило, шесть штук только нашлось. Наделили ими тех, кто полегче одет. Енот

посмотрел на нас, кивнул и махнул рукой в сторону города: мол, туда идти. Я, тяжело вздохнув, вытащил из кармана комендантов браунинг и отдал ему. Так правильнее будет.

И мы пошли.

* * *

Пока пробирались на запад какими-то дворами и закоулками, пошептался с Иваном Федоровичем.

– Ничего, что я командовать начал?

– Тебя, Соловьев, Игорь Никитин узнал, царствие ему... – майор вздохнул, вспоминая елабужца. – В штабе видел. Да и момент такой был... как раз твое командование и вывезло все.

– Из Киева придется уходить, – тяжело вздохнул я. – Предлагаю в брянские леса. Согласен, далеко. Можно в Припять, поближе. Но на восток отсюда не пройти, там немецких войск – хоть задницей ешь. А на юге – и того больше.

– Ну так себе план, – пожал плечами майор. – Карта нужна, запас провизии на неделю минимум. А лучше – на две...

– Это организуем, я думаю. Есть у кого спросить, – успокоил я его. – Только вот такая закавыка. Тут в Дарницком лагере Яков сидит. На казнь привезли. Так что предлагаю задержаться.

– Кто это хоть? – не понял Иван. – Знакомый?

– Яков Иосифович Джугашвили, – уточнил я.

– Самого... сын?!

Майор обалдел, даже остановился.

– Пойдемте, а то отстанем! – Я подтолкнул вперед Ивана Федоровича, и мы догнали основную группу.

Виляли мы только так: то один плетень перескочим, то бегом от дома к дому. Хаты стояли темные, ставни закрыты. Только изредка собаки вдали лаяли. Хорошо, что выпавший снег стаял, иначе нас бы выдали следы. Интересно, откуда Енот так здешние места знает? Но ведет отлично: ни одна живая душа не встретилась по дороге. А отмахали уже больше километра, стрельба в районе лагеря, возникающая время от времени, стала намного глуше.

– Откуда узнал? – продолжил допытываться командир.

– Подслушал телефонный разговор коменданта.

– А ты немецкий знаешь? Вот так, на слух определить смог?

Иван Федорович выпытывал у меня все, что можно и нельзя. Я даже притомился отвечать на его вопросы. Отвлекался он только время от времени на то, чтобы посмотреть, как движется отряд, да скомандовать смену несущих пулемет.

Зато за разговорами я чуть не пропустил момент, когда мы пришли в Киев. Вроде только что были сельские хаты, а уже мостовая с городскими домами. Вот тут скорость наша сильно упала, а упражнение «лечь-встать» выполнялось намного чаще, чем того хотелось. Потому что поймал бы нас

кто-нибудь просто так, может, и не было бы ничего: сунули в колонну к пленным – и шагай. А с немецким оружием и в трофейных шинельках – покрошили бы на месте в мелкую капусту.

Наконец мы зашли во двор какого-то наполовину разбомбленного дома. Один из двух подъездов четырехэтажки был полностью разрушен, а во второй я бы не полез, настолько ненадежными с виду казались остатки здания. Но Енот уверенно привел нас к углу развалин и показал на узенький и почти незаметный лаз в подвал.

– Ось і прийшли, – сообщил он и, подсвечивая намародеренной у немцев зажигалкой, полез внутрь. – Все в порядке, – сообщил он уже изнутри. – Обережно тільки йдїть.

В подвале было довольно сухо. Прохладно, конечно, но всякого горючего добра вокруг хватало, так что костерок для сугреву зажечь можно спокойно: ночью дым не виден, а гарью из развалин и без нас несет порядочно.

Майор подтянул к себе ранец с провизией. Кроме сухпаев там обнаружились чьи-то бутерброды с маргарином, целых три штуки. Он долго колдовал, пытаясь поделить их на девять человек с помощью штык-ножа от немецкого карабина. Пршлый хозяин хорошо его наточил, видать, колбасу резать любил.

В итоге всем досталось по четвертушке бутерброда размером чуть больше спичечного коробка, ну и по совсем крошечной добавке. Впрочем, слой маргарина был... одно на-

звание, короче. Лично у меня эта порцайка даже до желудка не дошла, где-то по пути рассосалась. Иван Федорович подумал, вытащил банку рыбных консервов, вскрыл и размял содержимое. По пол-ложки всем досталось.

Меня, как бездельника, который пулемет не таскал, назначили дежурным, а остальные просто повалились там, где сидели. Ну вот, вроде и прошли совсем немного, километров пять-шесть, а устали, будто трое суток на марше.

Чтобы не уснуть, я при скудном костровом освещении начал разбирать бумаги коменданта. Неинтересное сразу летело в огонь: и носить меньше, и польза хоть какая. Накладные, графики, требования, ведомости... Обычная канцелярская ерунда, может, кому и полезная, но не нам. Вот списки прибывших, наскоро составленные. Ладно, это на всякий случай сохраню. Не знаю пока зачем, но потом придумаю.

Вот и личные бумаги. Письма с родины bravому гауптману аккуратным круглым женским почерком с дописками детской рукой. Здравствуй, папа, мы тебя любим, будь строг к врагам рейха, ждем. Ну, все такое. Недописанное письмо от херра Штраузе: дорогие Марта и Пауль, я тут сражаюсь с большевиками, чтобы они даже не посмели подумать о сопротивлении, собираю посылочку с гостинцами. Вот и фотография с круглощекой фрау в строгом платье и киндером лет пяти, одетым в матросский костюмчик. Это, значит, тоску по ним комендант глушил сивухой во вражеской земле. И ведь на людей похожи.

Я не стал больше читать отчеты о тратах на еду и мыло из города Ронненберга, бросил все кучей в костер. Все равно уже никому не пригодится. А фрау Марта с Павликом получают другое письмо. Не от папки. Ну и хрен вместо посылки. Это в качестве подарка.

* * *

На смену пришли Махно с Енотом. Сами встали, никто не будил. Пока последний ходил наружу облегчиться, я поразглядывал наколки человека с такой знаменитой фамилией.

– Мохнатый медведь?

– Ага.

– Значит, шнифер ты, – сообразил я. – Специалист по сейфам.

– Сидел? – Махно напрягся. – Или из этих, из синих?

– Дружок срок мотал, вот и нахватался, – ушел от ответа я. – А звать тебя как?

– Вовой кличут. Смотри, – покачал головой взломщик, – Енот поручился за тебя.

– Не родня Нестору?

– Да ну, какое там? Седьмая вода на киселе. Уж поспрашивали в свое время, батя даже фамилию менять хотел, так надоело. С этой стороны я чистый.

В подвал вернулся Енот, молча сел рядом, бросил в костер ножку от стула.

– Махно – мой зять, – вдруг сказал он. – Дочка вийшла заміж за цього варнака. Обіщав, що більше не буде воровать. А будет – так ему яйца откручу, – добавил он почти без акцента. – Да, зятек? – И отвесил тому подзатыльник.

Ладно, тут у нас область семейных тайн и преданий, в такое болото лезть не хочется.

– Обещал – значит, так и будет, – обиженно сказал Вова. Видать, этот разговор ему надоел уже давно. А тесть наверняка отмазал где-то непутевого зятя, вот и не забывает напоминать тому, кто он такой на этом свете.

– Короче, не знаю, как вы, а я пост сдал – пост принял. – Я снял пиджак, постелил на пол поближе к костру, чтобы не замерзнуть. – Следите в оба, немцы после побега облаву могут пустить.

– Треба від собачок суміш зробити, – оживился подпольщик. – Посипемо кругом. Давай, Махно, доставай кисет.

– Что сразу я? – набычился Вова.

– У тебе запасец есть, я точно знаю!

Махно, кряхтя, достал кисет, но что они там уже делали с ним, я не увидел. Мгновенно заснул.

* * *

Утром, чуть рассвело, Енот отправился по друзьям-товарищам. Я в компанию к нему проситься не стал: два мужика сейчас в этом городе выглядят подозрительнее, чем один. Да

и беседовать за подпольные дела без посторонних намного легче.

Ну а мы остались куковать. Майор с утра распотрошил один сухпай. И хоть делить пришлось на семерых против вчерашней восьмерки, пайка почему-то больше не стала. Точно так же рассосалась на пути к желудку. Со свистом и бульканьем. Или это кишки с голодухи марш играют? Я не разобрал. Хорошо хоть вода была: фляги с немцев все догадались снять, а в подвернувшемся по дороге колодце еще и освежили.

На разведку послали кого бы вы думали? Правильно, мастера этого дела, лейтенанта Быкова. То, что у него говор неместный, это не очень страшным оказалось. Населения в ближней перспективе не наблюдалось.

После такого радостного известия наш командир прислушался к советам опытного товарища и выпустил вместе с Андреем еще одного человека, артиллерийского старшину Гаврилова, на предмет пошарить в развалинах и найти там склад с теплой сухой одеждой подходящих размеров, добротной обувью по сезону, ну и пожрать чего-нибудь на сдачу. Почему именно старшину? Так его от ветра меньше других качало по причине молодости и краткости пребывания в санаторных условиях.

Добыткики вернулись часа через два, как пишут в школьных сочинениях, усталые, но довольные. Наш отряд в один миг стал богаче на почти целое ватное стеганое одеяло (зеле-

ного цвета), красное женское пальто демисезонное драповое с воротником из кошки и подушку перьевую, немного распотрошенную. Добро было отсыревшим, слегка пованивало скисшей в углу тряпкой, а одна пола пальто и вовсе покрылась плесневым налетом, но кто же обращает внимание на такие мелочи? Сейчас подсохнет это дело, и ночью будет не так холодно. Ибо до лета, как некоторые заметили, пройдет немало времени.

Оказалось, что необследованной осталась еще одна почти целая кладовка. И наши герои отправились туда за новыми сокровищами. А мы снова замерли в ожидании. Что еще делать, когда есть хочется, а пойти некуда? Правильно, спать. Вот и кемарили почти все, некоторые так даже похрапывали. Потом я вместе с Махно пошел за припасами для костра, в то в подвале не осталось ничего, что годилось бы на топливо. Набрали обломков мебели, порванных книг. Раза за четыре перетаскили к лазу. Предусмотрительный напарник даже сделал маленькую метелку и уничтожил следы нашего хождения. Ну и правильно, а то натопчем, как стадо слонов, а потом удивляться станем, почему это нас так грубо будят воплями «Рус, ставайсс!». Тут не перебдишь.

Завалились мы в подвал, гуртом перетаскали припасы в нужное место. Ну вот, на эту ночь мы обеспечены, а там что-то решится. Не будем же мы здесь сидеть до прихода наших. Двигаться надо, воевать, а не по углам шариться.

Пока ждали Быкова с Гавриловым, решили познакомить-

ся, а то сидим тут как на вокзале. Вот и получилось, что из присутствовавших я не знал всего двоих: блондинистого пехотного лейтенанта Сырцова Сашу, который попал в плен под Конотопом, почти в том же месте, где я так удачно мост рванул, и бледного от недоедания старлея-связиста Семена Архипенко, для которого наш лагерь был уже вторым сборным пунктом за три недели. Это он за мной на вышку лазил и к коменданту ходил. Посидели, пообщались. А так как меня знали только в лицо, то я сказал, что просто старлей из штаба, принеси-подай. Не надо мне дешевой популярности. Петя, и все тут. Мне смешно было смотреть на Махно. Он, спрятав руки с наколками подальше, представился слесарем из Запорожья, которого захватили сдуру вместе с тестем. Главное, ничего не соврал. Просто не всю правду сказал. Впрочем, как и я.

А потом кто-то от большого ума завел базар о жратве. Ну, знаете, чем мама в детстве кормила, да что жена наварганила. Самое последнее дело в голод, это я еще по лагерю помню. Тому, в другом времени. От такого разговора толку вообще нет, раздраконишь человека, а он потом психовать начинает. Хорошо, майор вовремя пресек смуту и разогнал любителей мамкиных пирожков по углам приводить себя в порядок. Даже в наших бедственных условиях можно придумать, чем занять подчиненных, чтобы им вообще никакие мысли в голову не лезли.

Зато разведчик с пушкарем порадовали выше крыши!

Трехлитровка соленых помидоров, литр маринованных грибов и почти полная поллитровая банка какого-то не то варенья, не то джема. Разве в полумраке подвала такие подробности разберешь?

Первым высказал предположение Архипенко:

– Малина!

– Нет, клубника, – возразил Махно. – Или вишня?

И тут вожденная банка у всех на глазах каким-то образом выскользнула из руки державшего ее Гаврилова и, как мне показалось, медленно устремила к полу. Старшина не мог ее поймать, так как в другой руке держал помидоры. Зато Быков показал чудеса ловкости, успев поставить на пол огурцы и поймав варенье в последнее мгновение. Ладно, после последнего мгновения. Стекло довольно громко треснуло, но посуда уцелела, не развалилась. Вскоре все активно заработали найденными ложками. Варенье мигом кончилось.

– Даже и не понял, что это было, – вздохнул Махно.

– Значится так. – Я встал, прошелся по подвалу. Эти похоронные настроения надо было менять, иначе еда станет нашей главной темой. – Воевать будем, дорогие соратники?

Народ вразнобой ответил:

– Будем!

Главное, все сказали, не промолчал никто.

– Но как? – Махно хрустнул пальцами. – Патронов мало, еды вообще нет.

– Связь нужна, – буркнул майор. – Без связи с подпольем

нас мигом повяжут.

— Енот этим занимается. — Я ходил, размышлял над ситуацией. — Нам нужно организовать. И дать первый бой.

— Петр, ты нас вытащил из лагеря. — Иван Федорович посмотрел банку на просвет. В ней уже ничего не было, даже следов сладости, и тут она прямо у него в руке дотрескалась до края и развалилась. — Тебе и карты в руки, — добавил он, отряхивая осколки с гимнастерки.

— Тогда действуем так. Отряд наш назовем... Ну, допустим, «Победа». Возражения есть?

Против никто не высказался.

— Назначаю себя начальником отряда. Иван Федорович будем моим заместителем по военной части.

— Майор в подчинении у старлея? — хмыкнул Махно.

— Помолчи, а? Слесарь... — Майор нахмурился. — Или мы не видели твоих наколок?

В подвале воцарилось тяжелое молчание.

— Я продолжаю. Андрей, ты будешь у нас отвечать за разведку. Согласен? — Я повернулся к Быкову. — Кроме тебя никому.

— Пока одноглазая разведка... — вздохнул лейтенант, трогая повязку. Как бы у него там не загноилось... А сменить пока нечем, индпакетов у немцев с собой не оказалось.

— Енот отвечает за связь с подпольем, а вас, — я посмотрел на остальных присутствующих, — тоже определим. Официальный приказ писать не буду, да и не на чем. Лучше рас-

скажу вам анекдот...

Народ оживился. Но тут у лаза зашуршало, и мы увидели Енота.

Глава 5

Неловко как-то вышло. Постом охраны у единственного входа не озаботились. Заходите, гости дорогие. Командир, тудуть его, партизанского отряда. Ну ладно, еще три минуты назад про это должен был думать майор. Да уж, расслабились.

Что там представитель подпольных властей принес? Что живой вернулся – уже хорошо. А про остальное – посмотрим, сейчас сам расскажет. Но вместо новостей из-за спины Енота вылезла знакомая фигура товарища Ахметшина, и мой соратник по взрывным работам бросился ко мне с таким энтузиазмом, будто не видел меня лет десять, не меньше.

– Бетр Николаевич, наконец-то! А то я береживал уже!

Ну я тоже обрадовался, скрывать не буду. За Ильяза и я волновался. Не чужой ведь. Сколько книжек вместе на верхотуре перечитано, тут любой сроднится. Да и отход из университета на конспиративную квартиру вовсе не казался простой затеей. Короче, было о чем беспокоиться.

Наскоро представив моего помощника присутствующим: вот, мол, хороший парень, вместе пришлось кое-что на этой войне сделать, я уволок татарина в дальний угол. Да, доклад принимать. Хотя сразу и не получилось. А как тут пройти мимо еще теплой картохи в мундире, двух караваев хлеба и даже куска сала! Не знаю, как вы, а я отложил любопыт-

ство вместе с требованиями уставов подальше. Еда главное! Да и вкуснее принесенное, чем та пресная немецкая жвачка из сухая. Да знаю я, что официально этот сушеный помет называется «железный рацион». Конечно, еще минут десять назад и арийская жратва была верхом мечтаний. Но не сейчас.

Мой зам по боевой достал уже ставший широко известным штык-нож, почикал хлеб, сальце, после чего вдумчиво поделил картохи, не обращая внимания на заурчавшие животы и шумное глотание слюны... Дальше слов нет. Это как слепому пытаться объяснить, что трава зеленая. Может, и послушает, но не поймет. Вот и вам незачем знать о прелести тепленькой картошечки, когда ее сначала надкусишь слегка, не до конца, внутрь положишь малюпусенький кусманчик сала, немножко желтого от почтенного возраста, но придающего такой великолепный вкус, все это целиком отправляешь в рот и загрызаешь сверху ноздреватым душистым хлебушком, натуральной чернушкой, чуть кисловатой... И жуешь, но не глотаешь, ждешь, когда все растворится прямо во рту... Праздник, одним словом. А кто сдуру все в себя пихает, у того только брюхо болит. Ответственно вам заявляю.

Ладно, поели, теперь можно и с товарищем пообщаться. Ильяз все понимал, терпеливо ждал, пока мы насытимся.

– Давай, рассказывай, что с тобой было, – первым спросил я. А как же, я – начальник, значит, про себя после расскажу.

– Как рванул этот «голиаф», я сразу на выход болез, – на-

чал доклад Ильяз. – Там еще фальш-стенка немного завалилась. Но я из этого бодвала выбрался хорошо, никто меня не заметил. – Ахметшин, пока рассказывал, от волнения даже руками начал потихоньку размахивать, есть за ним такое.

Немцы, конечно, бросились прочесывать университет. Но в здании после проверки был всего один пост у окон. Пока нашли черный вход – основной-то был засыпан обломками, – пока прошерстили аудитории и коридоры, Ильяз утек. А дальше ничего интересного не было. Не дождавшись меня, пошел к тому же Линкевичу, «спрашивать чесноку». К счастью, старый пароль сработал, и его впустили. Хозяин конспиративной квартиры, со слов Ахметшина, оказался мировым мужиком, хоть и немножко странноватым. Там и сидел Ильяс, хомячил тушенку и читал книжки, пока его не нашел Енот.

– Что будем дальше делать?

Собрались на улице втроем: майор, Енот и я. Разговаривали шепотом, попытки закурить я тут же пресек. Табачный дым чувствуется издалека, нечего рисковать.

– Ты, когда в городе был, небочес цел? – спросил я Енота.

– Гинзбурга?

– Да.

– Цілий, що йому зробиться? – удивился подпольщик.

– Могли взорвать.

Я задумался. Судя по моим воспоминаниям, конспиративная квартира была маленькой однушкой, и все мы туда

банально не поместимся. Что, если вернуться на чердак Гинзбурга? Места там полно, запасы еды тоже есть. Все лучше, чем здесь крыс пугать и задницы морозить.

– Сможешь проверить небоскреб? Боюсь, немцы могли оставить засаду. У нас там... условия получше.

– Сделаю, – покивал он.

– И нам нужна связь с подпольем. Организуй встречу с Кудрей, тьфу ты, с Максимом.

– Це непросто, – засомневался Енот. – Мені до нього...

– Я же тебе говорил про Дарницкий лагерь. Сын Сталина там. Мы не можем сидеть спокойно и ждать, когда его казнят.

– Та зробимо, я ж сказав... – Подпольщик будто забыл, что секунду назад отнекивался.

– И надо срочно передать информацию в Москву.

– Со связью сложно, – вздохнул Енот. – В місті з'явилися пеленгаторы.

– Откуда знаешь?

– Пока шел, бачів машини з антенами.

Да, дела хреновые. Немцы взялись за Киев основательно. Что же делать без связи, если запросить помощь не получится? Да то же, что и раньше: живая народная инициатива.

– Иди обратно в город, проверь небоскреб и найди Максима.

Я решил все-таки рискнуть.

– И одежду. Принеси нам гражданки, – добавил майор. – Без нее никак.

Назавтра я понял, что ждать действительно весьма утомительное занятие: поел, тайком оправился в развалинах, поспал. Да, питание дошло до той степени, что пришлось сбрасывать из организма остатки. Хотя и с трудом после нескольких голодных дней. И так целый день с перерывами на бессмысленные разговоры и волнения. То рядом мотор машины услышишь, то чьи-то шаги. Сжимали в руках оружие, щелкали предохранителями. И ждали. Очень ждали Енота. И он не подвел. Заявился в двенадцатом часу ночи. С целым баулом одежды – телогрейки, штаны, картузы...

– Нижней поддевы нема, – пожаловался подпольщик. – Это еле собрали.

Те из нас, кто был в военном, бросились экипироваться. Я тоже напялил на себя привычную телогрейку – только бирки с фамилией не хватает. А куда дел свое пальтишко? Оно хоть и куцее, но тоже теплое, на вате. Очень уж меня упражнял поменяться старшина Витя Гаврилов. Чем оно емуглянулось, не знаю. Пусть носит, мне не жалко. Подобрал себе шапку-ушанку. Зима близко, земля покрывается инеем каждое утро.

Как все закончили одеваться, я дал команду выдвигаться. Шли сторожась. Впереди – Енот с Махно, в арьергарде – Быков и Гаврилов. Сырцов с Архипенко тащили пулемет. Илья-

за, как самого упитанного, нагроулили ящиками с патронами. Татарин взял сразу два, третий прихватил майор. Один я шел налегке. Не потому что начальник, просто нес наготове гранаты. Нарвемся на патруль, те залягут, и единственный способ их загасить – метко кинуть «колотушку».

Несколько раз пришлось быстро прятаться во дворах: либо проезжали машины, либо Енот замечал немцев. Вел он нас, виляя по городу: дважды перелезали через заборы, разочек прошли насквозь пустой подъезд какого-то дома. В Киеве, судя по лучам прожекторов, работала ПВО. Но сирены молчали. Да и будут ли их фашисты включать для населения?.. Вряд ли. Что им какие-то унтерменши-украинцы.

Но дошли наконец-то. Гинзбург был погружен в полную темноту, и, наверное, из-за этого вверху живота зашевелилось какое-то тревожное чувство. Или это я переел немного?

– Сходи, еще раз проверь, – шепнул я Еноту.

Подпольщик ушел, а мы затаились.

– Был там кто-то, – наклонился к моему уху вернувшийся Енот. – Табачком несет. Но сейчас пусто.

Взял Быкова и опять ушел. Разведчики обошли все этажи, но никого не нашли.

Я дал команду подниматься на чердак. Тут ничего не поменялось. Все так же лежал бинокль на подоконнике. В углу были свалены ящики с тушенкой и мешки с сухарями. Даже в телефоне был гудок – немцы не стали отключать гражданскую связь в городе. А взрывать подстанцию никто не дога-

дался, у Голдовича и компании, поди, поважнее цели были. Или еще будут?

В этот раз службу наладили как надо. Выставили караульных, наблюдателей. Майор, прежде чем дать отбой, приказал еще раз почистить оружие. Даже выделил на это масленку и какую-то ветошь.

Уснули моментально. А утром нас разбудили мощные взрывы. Вот как в воду вчера глядел.

– Бомбят! – крикнул Быков, отскакивая от окна.

Я схватил бинокль. Нет, бомбежки не было. Но черные облака дыма поднимались над Крещатиком, Николаевской и Прорезной. Пламя охватило магазин «Детский мир», почтамт. Взрыв шел за взрывом. Вот вроде уже взорвали все, что могли, а нашлось еще что-то.

– Наши наверняка работают, – тихо вздохнул я. Скорее всего, по радио. Зданий было жалко. Еще жальче киевлян. Хотя немцы центр выселили, гражданского населения не осталось.

– Так и надо фашистам! – Майор встал рядом со мной, наблюдая за суетой немцев на Крещатике. – Их сюда никто не звал.

Начался пожар, горели Театр юного зрителя, универмаг на углу и знакомая мне по Власову гостиница. Второй, так сказать, акт. Странно, что немцы за все это время не смогли доразминировать город. Или Голдович так хорошо запрятал фугасы? А я еще гордился университетом и Гиммлером. Ди-

летант. Вот кому нужно давать Героев!

Отогнав народ от окна, я задумался. Кудря должен прийти вечером. Что делать весь день? Опять сидеть и ждать у моря погоды? Или в этой суете рискнуть и прошвырнуться до Дарницкого лагеря, глянуть на обстановку?

Хорошо, что не поддался первому порыву. Надо отдать должное немцам – они быстро потушили пожары и развернули по всему центру блокпосты. Перекрыли улицы и переулки, останавливали весь транспорт, всех пешеходов, которых особенно и не было, так как киевляне не решались выходить из дома.

* * *

Кудрю пришлось ждать целых два дня. Мы все измучились, и если бы не майор, который придумал учить партизан всему, чему только можно (сборке-разборке немецких карабинов на скорость, минному делу, даже немецкому языку), мы бы сошли с ума. Зато Кудря пришел не один.

С ним была Аня. И не с пустыми руками. Подпольщица даже смогла пробраться к лагерю, где содержали Якова.

– Там все строго, – рассказала она, когда мы спустились в нижнюю квартиру и расселись на чужих кроватях, удивительным образом здесь сохранившихся. – Патрули, собаки, вышки с пулеметами. У входа в лагерь стоит танк. Сзади – два бронетранспортера.

– Какой именно танк?

– Я в них разбираюсь?

Аня посмотрела на меня с вызовом. Сегодня она была одета очень элегантно – приталенное пальто, шляпка с вуалеткой. Я присмотрелся. Еще и глаза подвела густо...

– В Москву сообщили? – Я повернулся к Кудре.

– У нашей радиостанции сели батареи, – вздохнул подпольщик. – Послал связника в Бучу. Там есть запасная. Но я, Петр, тебе и так скажу: надо выручать Якова. Это же заложник!

– Да еще какой, – поддакнула Аня.

– И у вас есть идеи, как штурмовать лагерь? – хмыкнул я. – Вдесятером?

– У нас есть еще люди. И оружие.

– Сколько?

Кудря замялся, но потом все-таки сказал:

– Могу собрать еще двадцать шесть человек. Два станковых пулемета. Автоматы, гранаты.

– Ладно, вышки мы подавим... – Я задумался. – Патрули покрошим. На нашей стороне внезапность. А танк? А бронетранспортеры?

– Они позади лагеря, – вступилась за Кудрю Аня. – Пока доедут...

– Пока мы найдем Якова...

Да... Решения не было. Надо смотреть на лагерь самому.

Конечно, когда я собирался прогуляться до Дарницы, я сильно погорячился. Полтора десятка километров и мост через Днепр. Пошли мы втроем: я, Аня и Быков. Надо же прикинуть, что к чему, на месте. Вот и изображали женатую пару и их родственника из деревни, который приехал в гости. Если что, я был не мужем. Но и подпольщица была одета гораздо скромнее: в стареньком пальто, по-старушечьи повязанном платке и разбитых сапогах, назвать которые шкарбанами мне не позволила врожденная вежливость. Мы шли, разговаривая о всяких мелочах. Больше смотрели по сторонам: вроде и город тот же, а сколько нового. И вывески на немецком, и расклеенные объявления с орлом и свастикой. А главное – немцы. Много немцев.

А когда дошли до реки, я натурально затормозил. Моста-то нет. Уцелели всего три опоры из дюжины, да и те частично. Немцы, конечно, шевелились, что-то пытались сделать, но работы там было непочатый край. Да и кто бы нас через тот мост пустил? Я даже залюбовался. Красиво сделано, не подкопаешься.

Анна дернула меня за рукав:

– Не спи, Петя, нам в другую сторону, – и показала чуть ниже по течению.

Там собралась целая лодочная станция. Аж три речных

судна предлагали свои услуги по переправе. Отлично! Какой-то белый генерал сказал, что извозчиков, артистов и проституток трогать нельзя. Мудрый дядька был. Наверное, потом в Париже водителем такси работал и вспоминал эти свои слова.

Перевезли нас за не очень большие деньги, если точнее, то за трояк. Советский. Рейхсмарки если и начали ходить, то было их мало, да и курс в десять раз выше вместо нынешнего один к одному немцы пока не установили.

А на правом берегу пассажиров ждали еще двое.

Тут до лагеря идти уже совсем немного. Мы попетляли по остаткам дачного поселочка, где целых домов и вовсе не осталось ни одного, а потом зашли в лесок. Или парк? Сильно все вокруг ухоженное, только прогулочных дорожек не хватало. Мимо лагеря «Киев-Ост» пройти было трудно, очень уж много места он занимал. И запах болезни впере-мешку со смертью ни с чем не перепутаешь.

Да уж, похоже, наш лагерь по сравнению с этим почти пионерский. Сначала мы наткнулись на ямы, в которых хоронили умерших. Одна уже засыпанная. И еще одна такая же стояла заготовкой. Быков не поленился, померил шагами открытую. Шесть на двенадцать метров. Сколько же народу эти твари тут положили?

Сам лагерь впечатлял. Тут к делу смертоубийства подошли серьезно и основательно. Периметр – километров пять. Примерно полтора в длину и один в ширину. Колючка в три

ряды, запретка, блокпосты с собаками. Каждый барак – в локалке, обнесен своим забором. Основательным, метра три в высоту. По территории – патрули, я насчитал два, но это днем. Так что четырех вышек по углам, на каждой из которых торчало аж по два немчика возле пулемета, вполне хватало.

Ага, вон в тех бараках у них промзона, как раз туда гонят отряд. С плетками, сволота. Хозяева жизни, как же. Я только зубы крепче сцепил. Ничего, придет и наше время. Будут ваши деточки в очередь к полевым кухням стоять и за миску похлебки кричать «Гитлер капут!».

Танк и вправду стоял у ворот. Т-2, конечно, машина та еще, хотя если приголубит, то калибр 20 миллиметров у пушечки маленьким не покажется. Никакого движения возле него не было, я бы даже не исключил, что танк не на ходу и стоит здесь больше для устрашения. Вот только лучше считать, что все там работает, боекомплект полный, а экипаж сидит внутри наготове с разогретым двигателем: не будет обидно, если все так и окажется.

А вот бронетранспортеры отсюда не видно. Придется посылать гонца. Из двух кандидатур выбираем Быкова. А то Аня мало того что потратит на поход вагон времени, так потом получим от нее сведения «две железяки и шесть мужиков».

Андрей молча кивнул и исчез между деревьев. Ждали мы разведчика часа два. Тут и смена на вышках сменилась. Аж

два помощника повели, один – направо, другой – налево. А то если одной кучей, то смена часа полтора ходить будет.

Полежали в кустах, помолчали. Подпольщица, правда, поначалу попыталась что-то пошептать, но я охоту поболтать ей быстро отбил. Нечего разговаривать в таких местах, а то пока шуры-муры разводить будешь, тебя за зад прихватят, пикнуть не успеешь.

Зато возвращение Быкова не прозевали. Ну и все, делать здесь нам нечего. Хотя... Такого я еще не видел. К воротам подогнали толпу сотни на полторы человек, большей частью гражданских, и... выгнали их наружу. Дескать, давайте, пылите отсюда, делать вам здесь нечего. Вот это дела!

Я даже думать не стал. Такой подарок из рук выпускать нельзя. Да это же лучше любого языка! Бросил своим спутникам: «За мной!» – и тишком пошел наперерез толпе, которая тут же растянулась по дороге. А навстречу освобожденным побежали какие-то бабоньки, видать, родственницы. Значит, на нас и вовсе внимания никто обращать не будет. Выглядим мы чуть получше этих живых скелетов, которых ветром носит по дороге. И то если присмотреться внимательно.

Я поддержал споткнувшегося на ровном месте мужичка в рваной и грязной гимнастерке. Единственная сохранившаяся петлица была пустой, без дырок, только эмблема – две винтовки на фоне мишени. Рядовой, значит. Пехота.

– Осторожно, – говорю я и хватаю его под руку, – упадешь

ведь.

— Спасибо, — отвечает. — Видишь... дошел как... на ровном месте ноги не держат... — И опять его от падения оставила только моя рука.

— На-ка, — достал я из кармана сухарь и подал ему. — Давай отойдем, хоть поешь немного.

Через десять минут рядовой Коля Кандыч рассказал нам свою грустную историю. В Дарнице он был с самого начала. Пригнали их и бросили, только колючку по углам поставили. Первую неделю ни воды, ни еды не было. Сжевали всю траву, воду пили из луж. Сразу началась дизентерия, от которой умер чуть ли не каждый десятый. Кто их там считал? Потом поставили наспех сколоченные из говна и палок бараки. Нары в три яруса, только спали все вповалку вместе, чтобы не замерзнуть.

Еще спустя неделю четыре барака подняли бунт и пошли напролом через колючку. Если кому удалось уйти, то немногим, трупы в траншеи возле кладбища почти неделю возили. Комендант потом сказал, что больше десяти тысяч положили. После этого бараки срочно разделили на локалки. Коля рассказывал про это спокойно, а справа от меня Аня шмыгнула носом раз, потом второй. Я двинул ее локтем, и она уже молча вытирала слезы.

Кормили пленных раз в день баландой из нечищенной свеклы. И воду в бочке привозили. Раненых и заболевших таскали в «лазарет», который оформили в бывших авторе-

монтных мастерских. Только оттуда никто еще назад не вернулся.

Я молча слушал, время от времени подавая рассказчику по сухарику из своих припасов. Вроде и попостился совсем немного, а привычку таскать еду в карманах уже приобрел. И наш новый приятель сам вышел на так интересовавшую всех тему.

Якова привезли неделю назад. Поначалу никто о нем и не знал, но потом пошел слухок, и через пару дней уже все были в курсе, что в пятом бараке держат сына Сталина. Этот отряд даже перестали гонять на работы. Но знаменитого пленника Коля видел. Ничего особоенного, от других мало чем отличается. Такой же заросший, худой и слабый. Так на пустой свекольной баланде по-другому и не будет.

А вот сегодня случилось чудо. Со всего лагеря собрали местных мужиков, большей частью гражданских и рядовых, выгнали за ворота. Вот уж чего никто не ждал. Теперь осталось дело за малым: выйти на дорогу и потихонечку шагать до Белой Церкви. Ерунда, каких-то девяносто километров. Свет не без добрых людей. Даст бог, доберется Коля до своих родных. В карманах у меня три сухаря еще нашлись да советских денег пятьдесят рублей. Вот я все этому Кандычу и отдал. Ему нужнее.

Ну а мы двинулись к переправе. Все, что надо, увидели и узнали. Осталось дело за малым: придумать, как это все порушить, где найти на это силы и, конечно же, средства.

Пока брели потихонечку к лодкам, Андрей рассказал про «ганомаги». Стояло их там две штуки, но на ходу был только один. Второй сиротливо приткнулся у ближайшего дерева без катков с правой стороны, и даже вооружение с него было снято. Видать, ждет, когда на ремонт оттащат. Потому что земля в Дарницком лесу – не самое лучшее место, чтобы чинить бронетранспортер. А вот второй на ходу. Но маленький, двухсотпятидесятый, у которого только четверо в кузов влезают. С двумя пулеметами. Так что со счетов списывать его нельзя. Вот что вселяет уверенность, так это единственная дорога, по которой он оттуда может уехать. Понятное дело, он на гусеницах, если что, и напрямки через кусты поперет, но если есть дорога, то лучше по ней ехать, правда же?

* * *

И вернулись мы в Гинзбург, не встретив ни одного патруля. Никто не заинтересовался нами. Так что проверить качество работы маклеров из подполья не довелось. Ну и ладно, мы не обидчивые.

А наверху прямо избу-читальню открыли: все по углам рассосались и изучают битву д'Артаньяна с Рокамболом. Один только майор встретил нас, остальные глянули и отвернулись, будто мы ходили в кино смотреть по пятому разу кинофильм «Трактористы», а не на разведку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.